

ЧАС ПИК
ДЛЯ НОВОБРАЧНЫХ

ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

Авантюрный детектив

Татьяна Полякова

Час пик для новобрачных

«ЭКСМО»

Полякова Т. В.

Час пик для новобрачных / Т. В. Полякова — «Эксмо»,
— (Авантюрный детектив)

ISBN 5-699-02485-9

Молодую, красивую, обеспеченную женщину Полину Шабалину постигло горе – трагически погиб ее муж. Полине кажется, что все кончено. Но жизнь продолжается и даже приобретает неожиданные повороты: кто-то тайком посещает квартиру Полины, ей звонят неизвестные, подбрасывают какие-то странные записки. Полина понимает, что все это как-то связано с ее мужем, и начинает собственное расследование, чтобы выяснить, кто же был ее муж. Результаты ошеломляют: у каждого – свой скелет в шкафу, который имеет скверную привычку вываливаться в самый неподходящий момент. В том числе и из шкафа самой Полины...

ISBN 5-699-02485-9

© Полякова Т. В.

© Эксмо

Татьяна Полякова

Час пик для новобрачных

Я пила кофе, стоя у распахнутого настежь окна. После надоедливых затяжных дождей второй день светило солнце – в город пришла настоящая весна. Прохожие на улице беспричинно улыбались, а в еще не успевших высохнуть лужах купались воробы.

Тюлевая занавеска надувалась пузырем, я шурилась на солнце и ощущала себя абсолютно счастливой. Такое чувство, точно за спиной выросли крылья. Казалось, влезь на подоконник, зажмурься, закричи погромче и непременно полетишь...

«Запросто», – усмехнулась я, напомнив себе, что у нас третий этаж, а летать можно по-разному. Но ощущение счастья не проходило, несмотря на всю мою самоиронию. И дело не только в том, что за окном весна, а...

Зазвонил телефон, я торопливо схватила трубку, поставив чашку на подоконник, и широко улыбнулась, услышав голос мужа.

– Это я, дорогая, – сказал он.

Мы расстались рано утром, так что сердцу вроде бы незачем было скакать галопом и замирать. Совершенно лишние волнения, но сердце, однако, летело галопом и замирало. В общем, выходило, что я безумно люблю своего мужа, как оно и было в действительности. Это я не без удивления смогла констатировать несколько месяцев назад, правда, тогда он еще не приходился мне мужем и некоторая романтичность была вполне уместна. Однако прошел почти год после нашей встречи и скоростного бракосочетания, а романтизм почему-то не убрался восвояси. Напротив, я смогла убедиться, что сейчас люблю мужа больше, чем в день нашей свадьбы. Если учесть, что любовная лихорадка долго и упорно обходила мою персону стороной, не приходится удивляться, что меня так занимают собственные чувства.

– Я тебя люблю, – улыбаясь, сказала я.

– Здорово, – совершенно серьезно ответил Глеб. – Есть еще новости?

– Нет. Я собираюсь немного прогуляться. Буду думать о тебе и читать стихи, мысленно, конечно, чтоб не удивлять прохожих.

– Почему бы тебе не почитать их мне?

– По телефону?

– Нет, я жажду личной встречи.

– Ты приедешь только завтра, а выйти на прогулку я собираюсь через полчаса. Обойдешься без стихов, мой дорогой.

– Знаешь, оказалось, рыбалка вовсе не такое увлекательное занятие, – со смешком сказал он. – Я скучаю без тебя, детка. Если честно, я уже забросил свои пожитки в машину и собираюсь отчаливать. Как ты на это смотришь?

– Я в восторге, – искренне ответила я. – По-моему, рыбалка – довольно глупое времяпрепровождение.

– Почему же ты молчала об этом раньше?

– Не хотела, чтобы ты решил, будто я пытаюсь удержать тебя возле своего подола.

– А ты пытаешься?

– Конечно. Но, как женщина умная, стараюсь, чтоб это не бросалось в глаза.

– Могу тебя поздравить, задуманное тебе удастся мастерски. Я думал, ты рада-радешенька избавиться от меня на сутки. В общем, через пару часов буду дома.

– Я тебя жду.

– Надеюсь, любовника в шкафу я не обнаружу.

– Конечно, нет, ты ведь такой милый и заранее предупреждаешь о своем возвращении.

– Береженого бог бережет, – засмеялся Глеб. – Ладно, детка, я услышал твой голос, и на душе стало легче, а домой захотелось со страшной силой. Целую.

– Эй, ты не сказал самого главного, – нахмурилась я.

– А что у нас самое главное? – с притворным удивлением спросил Глеб.

– Напрягись, – сурово посоветовала я.

– Совершенно ничего не приходит в голову...

– Глеб, я тебя убью...

– Дорогая, торопиться с этим не стоит, вдруг я тот самый единственный...

– Ты тот самый, но я убью тебя, если ты сию минуту не скажешь, что любишь меня.

– Ах, вот в чем дело... – Мы засмеялись, а потом он сказал: – Я люблю тебя. – И это прозвучало как-то странно, чересчур серьезно, что ли, и валять дурака сразу расхотелось.

– Я тебя жду, – тихо сказала я, испытывая нечто вроде беспокойства.

– Целую, – ответил он, помедлил и добавил: – Детка, я счастлив, как последний идиот. – И отключился.

Я положила трубку и вновь выглянула на улицу, но теперь происходящее там меня совершенно не занимало. Через пять минут я закрыла окно, задернула занавеску и, напевая что-то под нос, прошла на кухню. Однако очень скоро петь мне расхотелось. Я то и дело поглядывала на часы. Странно, ощущение счастья уступило место беспокойству. Что это со мной?

Я прошла по огромной квартире, пытаясь уяснить неожиданно происшедшую перемену в настроении. Никаких причин. Совершенно. Птицы поют, солнце светит, мой муж возвращается ко мне... Я потянулась к телефону, ругая себя за глупость: надоедливая жена наскучит очень быстро. Глеб ответил не сразу, и на смену беспокойству вдруг пришел страх.

– Глеб! – едва не заорала я, услышав его голос.

– На повороте телефон улетел под сиденье, еле смог его достать, тормозить не хотелось.

– Ты меня напугал.

– Что? – не понял он.

– Не знаю, – честно ответила я. – По-моему, я спятила, два часа кажутся мне вечностью.

– Я постараюсь их сократить.

– Ну уж нет, меня всегда в дрожь бросает от твоего лихачества.

– Чепуха, дорога совершенно пустая. Лучше скажи, чем ты занята.

– Ничем. Ради бога, не гони как сумасшедший.

– Ясно, не можешь выпроводить любовника. Он что, в твоей шубе запутался и теперь ты тянешь время?

– В случае чего выброшу его в окно вместе с шубой, так что не беспокойся.

– Это разумно. Иногда я в самом деле верю, что ты меня любишь.

– Что за дурацкое «иногда»?

– Ну...

– Когда вернешься, поговорим на эту тему.

– Почему не сейчас? Мне так приятно слышать твой голос.

– Потому что ты летишь как угорелый, управляя машиной одной рукой. Пока.

– Как только доберусь до Ярцева, позвоню. Идет? Ты успеешь выбросить любовника и расстелить ковровую дорожку у подъезда...

– А еще заказать военный оркестр, – поддакнула я и отключилась.

На душе стало спокойнее, еще немного побродив по квартире, я решила удивить мужа и испечь торт. Достала поваренную книгу и углубилась в изучение рецептов. Вскоре стало ясно: торт мне не по силам – и я остановилась на печенье по-домашнему. Кулинария никогда не была моим хобби, и времени я потратила предостаточно. Когда наконец печенье оказалось в духовке, я перевела взгляд на часы, а потом на телефон. Глебу уже давно было пора позвонить.

Я почувствовала что-то вроде укола в сердце и схватила трубку. Глеб не ответил. «Ну и что? – пробовала я рассуждать здраво. – Он мог его выключить или забыл подзарядить, и батарейки сели...» Но беспокойство не проходило, напротив, усиливалось с каждой минутой. Я замерла возле окна, ожидая, когда во дворе появится темно-зеленый «Шевроле» мужа. То и дело набирала номер телефона, с каждым разом испытывая все большее отчаяние. И вдруг заревела. Не помню, когда я плакала в последний раз. Я и в детстве не злоупотребляла этим. Слезы катились по щекам, а я, вцепившись в трубку, шептала: «Господи, ну пожалуйста...» – ожидая в любой момент увидеть машину Глеба и выругать себя за дурацкую истерику.

Зуммер плиты заставил меня вздрогнуть. Я испуганно оглянулась, успев к тому времени забыть о печенье. Выключила духовку и вновь уставилась в окно. Со страхом перевела взгляд на часы. Три часа двадцать минут. Еще один звонок остался без ответа. Он мог заехать в магазин за цветами... «Глеб, немедленно, слышишь, немедленно ответь мне». – «Телефон отключен или находится в зоне недосягаемости», – в который раз повторил оператор. «Я убью его, я убью его... только бы он вернулся». Четыре часа. Что с ним могло случиться? Может, машина сломалась или какая-то непредвиденная задержка и он не позвонил?

Ждать у окна больше не было сил. Я с трудом отыскала ключи от машины, в досаде вытряхнув содержимое сумки на пол, и бросилась к своему «Фольксвагену», стоявшему во дворе. Проверила, включен ли мой телефон. Когда мы встретимся, я буду чувствовать себя идиоткой. Ну и пусть, лишь бы встретиться.

На первом же светофоре я пролетела на красный, на счастье, бдительных граждан в форме поблизости не оказалось. «Так нельзя», – попыталась я себя урезонить и поехала медленнее.

Город остался позади. Вот и указатель на Ярцево. Я свернула с автострады, здесь дорога была узкой, в жутких колдобинах. Как обычно, по весне заниматься ремонтом никто не спешил. Вот колокольня ярцевской церкви, поворот... Ни одной машины не попалось навстречу. А если у Глеба сломался телефон? Разве такого не бывает? Может, он уже дома? Я набрала номер квартиры. Автоответчик моим голосом сообщил, что никого нет дома.

– Глеб, позвони мне, – попросила я и отключилась.

И вот тогда увидела машину «Скорой помощи», она, стремительно сокращая расстояние, неслась мне навстречу, мы поравнялись на выезде из Ярцева. Наверное, уже в ту самую минуту я и поняла, что произошло, прижалась к обочине, пытаюсь справиться с дыханием, потом заставила себя ехать дальше. За Ярцевом начинались места малообжитые – на ближайшие семьдесят километров ни одного населенного пункта вдоль дороги. Лес сплошной стеной, ближе к озеру луга. Еще один поворот. Впереди на дороге, возле обочины, стояли красные «Жигули», мужчина и женщина испуганно жались к своей машине. Я резко затормозила.

Сначала я мало что поняла. Кроме красных «Жигулей», на дороге больше не было никакого транспорта, потом внимание мое привлек указатель «Опасный поворот», опрокинутый на асфальт, а метрах в сорока от дороги в поле догорало то, что недавно было машиной. Искореженная груда железа, только номер, как будто в насмешку, выглядел вполне различимым: 320. Рядом стоял милицкий «газик», и несколько мужчин топтались по соседству. У меня хватило сил выйти из машины.

– Где он? – пролепетала я, но никто не обращал на меня внимания, женщина продолжала испуганно жаться к «Жигулям», а мужчину позвал милиционер, и они вдвоем устремились к дымящемуся остову машины.

– Я его вытащить не мог, – вроде бы сказал он.

Не помню, когда пошел дождь, в ту самую минуту, когда я это услышала, или гораздо раньше, я ничего не замечала вокруг. Я бежала к «Шевроле», увязая в земле, и дождь хлестал по лицу, я потеряла туфлю и заплакала, а потом увидела милиционера, он поддерживал меня под локти, без конца повторяя:

– Успокойтесь...

Я ответила:

– Там мой муж...

– Там никого нет, – ответил милиционер. Мне показалось, он бредит.

– Там мой муж! – заорала я, надеясь, что упаду в обморок и это все как-нибудь прекратится.

– Его увезли. Здесь никого нет. Успокойтесь. Володя, вызови «Скорую», женщине плохо.

– Он жив? – пробормотала я, цепляясь за чью-то руку и не слыша ответа. – Жив, – твердила я себе, а вокруг молчали. – Где он? Куда его увезли? Да что вы молчите? Помогите же мне... где он?

Следующие несколько часов я помнила крайне смутно, постоянно балансируя на грани сознания. Должно быть, это и спасло меня от сумасшествия, в противном случае пережить то время было бы мне не под силу. Первое отчетливое воспоминание: я сижу в коридоре больницы, вокруг какие-то люди, им нет до меня дела, и слава богу. Я забилась в угол, кутаюсь в кофту, пытаюсь согреться. Нелепая оранжевая кофта, откуда она взялась? Меня бьет озноб, я стискиваю зубы, таращась на дверь прямо напротив. Вдруг она открывается, высокий мужчина в белом выходит мне навстречу, сосредоточенно хмурия лоб и избегая моего взгляда.

– Это вы Шабалина? – спросил он строго, я не могла ответить и молча кивнула, поднявшись. Он сунул руки в карманы халата и протянул: – Да-а-а... – Я ждала, секунды начали свой отсчет, время сделалось физически ощутимым, давило на плечи, заставляя подгибаться колени. Мужчина шагнул ко мне, подхватил под руки. – Сядьте. Вам плохо?

– Где он? – прошептала я, пытаюсь поймать его взгляд. Он упорно отводил глаза, нелепо пожал плечами. Нелепо, потому что на мой вопрос должен быть ответ, а не это пожатие плеч... – Где он? – задыхаясь, спросила я, голова кружилась, подступала тошнота, я боялась, что меня вырвет прямо здесь, в этом сером унылом коридоре, пропитанном запахом лекарств и безнадёжностью. – Послушайте, – я схватила его за руку, стиснула ее, должно быть, причиняя ему боль, потому что он недовольно поморщился, – у нас есть деньги... Все что угодно... Только ради бога...

– Вам не сказали? – кашлянув, спросил он и попытался вырвать руку, я уцепилась за нее, как за последнюю надежду.

– Простите меня, – горячо зашептала я, – простите... Я сама не знаю, что говорю... я люблю его... мы женаты одиннадцать месяцев, да поймите вы...

– Я понимаю... – Врач усадил меня на стул и сам сел рядом, он легонько похлопал меня по плечу. – Как вас зовут?

– Полина, – помедлив, ответила я.

– Вот что, Полина... У него не было шансов. Никаких. С такими ожогами невозможно выжить.

Я смотрела куда-то в угол, больше ничего не слыша. Он коснулся моего плеча.

– У вас есть родственники? Я позвоню из ординаторской. Вызвать вам такси?

– Что? – повернулась я к нему.

– Вам сейчас лучше побыть с кем-то из родных.

– У меня нет родных.

– Друзья...

– Мне никто не нужен, – захлебываясь от сдерживаемых рыданий, начала я. Он пожал плечами и поднялся. Я схватила его за руку. – Мне можно его увидеть?

– Нет. Давайте я вас провожу.

Я вскочила и, зажимая рот рукой, бросилась куда-то по коридору. Мне хотелось кричать во все горло. Увидев табличку на двери, я влетела в дамскую комнату, меня долго рвало, я стояла, согнувшись в тесной кабинке, и думала только об одном: я не хочу жить.

– Вам плохо? – испуганно спросили рядом, я повернулась и увидела в дверях полную даму в нелепой цветастой блузке.

– Извините, – спокойно ответила я, испытывая желание ее убить, ударить чем-нибудь тяжелым... Я спятила. – Извините, – повторила я и прошла к раковине. Торопливо умылась холодной водой. Из зеркала на меня смотрело бледное лицо Арлекина с темными подтеками туши под глазами, страдальческим ртом. – Это несправедливо, – пролепетала я и залилась слезами, прекрасно сознавая всю нелепость моего упрека господе.

Сумка висела у меня на руке и билась по ногам. Откуда она взялась? Впрочем, неважно. Я достала носовой платок, вытерла лицо. На смену рыданиям пришла опустошенность, хотелось забиться в угол, а еще хотелось уснуть. Я вытащила сотовый и набрала номер. Такси я ждала у ворот больницы, машина прибыла минут через пять, а еще через двадцать я вошла в свою квартиру, протопала в спальню и рухнула на кровать, открыла тумбочку, нащупала флакон со снотворным и выпила три таблетки.

«Сейчас все пройдет, – тарачась в потолок, думала я, неизвестно на что надеясь. – Я усну, и все пройдет».

Солнце било в лицо, я повернулась на бок, уходя от его лучей, зажмурилась покрепче и подумала: «Это ночной кошмар, страшный сон и ничего больше. Глеб уехал на рыбалку и как раз сегодня вернется».

Но открыть глаза все равно пришлось. Его халат, небрежно брошенный на спинку кресла, книга рядом с настольной лампой. Я беззвучно заплакала, уткнувшись в подушку. Потом заставила себя подняться, выпила кофе, глядя в окно. Сквозь частые облака пробивалось солнце, играя на боках вазы на подоконнике, а мне опять захотелось плакать. Я безнадежно покачала головой, прикрыв глаза, и некоторое время сидела так, без чувств, без мыслей. Потом приняла душ, оделась и покинула квартиру.

Моя машина стояла во дворе, понятия не имею, кто ее сюда перегнал, но ключи обнаружили в моей сумке. Сесть за руль не было сил, я вызвала такси. Водитель попробовал завести со мной разговор, но вскоре умолк. Остановился возле корпуса, я поднялась на второй этаж и вошла в отделение. Слева за столом сидела медсестра и, позевывая, листала журнал.

– Вы куда? – спросила она резко.

– Я... мой муж... его вчера привезли, – испуганно ответила я.

– Фамилия?

– Шабалин... Глеб Сергеевич...

– Так он в морге, – заглянув в журнал, сказала медсестра. – Если вам за свидетельством о смерти, то к Петру Васильевичу. Прямо по коридору последняя дверь.

Меня обдало холодом от этих слов, я съежилась и бросилась по коридору в указанном направлении. Дверь была прикрыта неплотно, а комната оказалась пустой. Я вернулась в коридор и огляделась, прошла немного вперед и увидела мужчину. Вряд ли я смогла бы узнать его, но он назвал меня Полиной, и я поняла – это тот человек, с которым я разговаривала вчера. Он торопливо шагнул навстречу и взял меня за руку.

– Как вы себя чувствуете?

– Что? – не поняла я. – Извините. Хорошо. То есть, я хотела сказать...

– Давайте пройдем в кабинет. – Меня раздражал его голос и его рука на моем локте. – Послушайте, не стоит вам его видеть. Попросите кого-нибудь из друзей. Бумаги готовы, закажите... все необходимое...

– Да вы спятили! – рывкнула я, выдернув локоть, и побежала по коридору.

Здание морга, низкое, с закрашенными белой краской окнами, притулилось в глубине двора. Дверь была открыта, и я вошла. В комнате, выложенной голубой плиткой, толстая тетка

мыла руки, стоя возле раковины ко мне спиной, и говорила кому-то, повернувшись к распахнутой настежь двери в соседнее помещение:

– Чего там обмывать, одна головешка...

Услышав, как хлопнула дверь, она повернулась и выжидательно уставилась на меня.

– Мой муж... – собравшись с силами, выдохнула я. – Вчера привезли...

– После аварии? – сморщив лицо, спросила тетка. – Вон там на стене прејскурант...

– Можно мне его увидеть?

Она растерянно моргнула, потом подошла поближе, молча глядя мне в лицо, и вдруг сказала:

– Ты вот что, милая, ты сядь... вот сюда на стул...

– Не беспокойтесь, я хорошо себя чувствую.

– Не похоже. Не надо тебе на него смотреть. Таких в закрытом гробу хоронят. Мы все сделаем...

– Я хочу его видеть, – зло повторила я.

Тетка попятилась.

– Ну... Идем...

В дверях мы едва не столкнулись с пожилой женщиной в грязном халате, она посмотрела на меня без одобрения и перевела взгляд на коллегу.

– Это его жена, – торопливо пояснила моя провожатая.

Я сделала еще шаг и увидела каталку, а вслед за этим... «Это неправда», – пронеслось у меня в голове, и я начала медленно оседать на пол.

Резкий запах нашатыря привел меня в чувство, я привалилась к стене, а взгляд мой искал каталку и то, что на ней.

– Все в порядке, – хрипло сказала я. – Не беспокойтесь. – И заставила себя подойти.

При виде того, что представлял собой труп, мутился рассудок. Я не должна была приходить сюда. Глеб остался бы в моей памяти красивым сильным мужчиной, а теперь, думая о нем, я буду видеть лишь то, что вижу сейчас. Я никогда не смогу избавиться от этого.

Я заплакала в бессилии, кусая губы, и вдруг поймала себя на мысли, что отказываюсь верить в то, что до жути обгорелый труп передо мной – это Глеб. Все во мне протестовало, точно это злая шутка, которая ни при каких обстоятельствах не может быть правдой.

– Это не он! – решила я, не сразу сообразив, что кричу, а потом наступило спасительное беспамятство.

Когда я пришла в себя, за окном шел дождь. Я лежала на кушетке, надо мной склонился врач и монотонно что-то говорил. Я не очень-то слушала, боязливо косилась за его спину, где угадывалась дверь, и мысленно повторяла: «Это не Глеб. Я же знаю, это не он».

Мысль эта помогла мне собраться с силами. Я сделалась очень спокойной и даже договорилась с женщинами обо всем необходимом. «Это не имеет никакого отношения к Глебу», – думала я при этом и поторопилась уйти. Я почти смогла убедить себя в том, что так оно и есть на самом деле, но, вернувшись домой и собирая его вещи, я вновь почувствовала страшную тоску и отчаяние, и никакие спасительные мысли мне уже не помогали. Я каталась по полу и выла, отбрасывала прочь костюм, и зарывалась в него лицом, и вновь отбрасывала и, как в бреду, твердила:

– Господи, господи... – не зная, что просить у бога.

Телефонный звонок прозвучал в осиротевшей квартире как набат. Я бросилась к телефону с нелепой мыслью, что труп в морге в самом деле кто-то другой, что все как-нибудь разъяснится и Глеб, живой и невредимый, вдруг скажет: «Как дела, дорогая?»

– Полина... – Голос звучал испуганно. – Это Володя. Можно, мы приедем?

– Да, – ответила я разочарованно и бросила трубку, жалея, что согласилась, мне никто не был нужен, никто, никто...

Они приехали очень быстро, должно быть, звонили уже по дороге. Я пошла открывать и увидела Володю с женой, ее звали Светлана. Владимир Сергеевич Калганов был нашим адвокатом, его рекомендовал нам один мой знакомый. Володя оказался не только хорошим адвокатом, но и приятным человеком, и мы очень скоро подружились. Светлана, с красными от слез глазами, молча обняла меня и всхлипнула. Мне же это безмолвное выражение соболезнования было неприятно и даже тягостно. Впрочем, неизвестно, как бы я вела себя в подобной ситуации.

Я попыталась взять себя в руки, боясь, что позволю себе что-нибудь резкое и совершенно несправедливое в адрес моих друзей.

– Даже не знаю, что сказать, – пробормотал Володя. – Это... это как гром среди ясного неба. Я узнал полчаса назад. Почему ты не позвонила?

– Прости, – покачала я головой, – я плохо соображаю, что нужно делать. Вот собрала вещи, – кивнула я на кресло и зарыдала. Светлана бросилась ко мне, а Володя с потерянным видом пялился на костюм моего мужа.

Через какое-то время я понемногу успокоилась, Света заварила чай, и мы устроились в гостиной.

– Все, что связано с похоронами, – хмуро начал Володя, – я беру на себя. И не спорь. Так будет лучше. Экспертизу провели... можно забрать тело... Прости, что я говорю все это... – Он закрыл глаза ладонью, точно желая избавиться от наваждения. – Ты знаешь, что Глеб завещал себя кремировать?

– Что? – нахмурилась я.

– Он хотел, чтобы его кремировали. Такова его воля, выраженная в завещании, которое хранится у меня.

– Но почему? – пробормотала я, сама толком не зная, кому адресован этот вопрос.

– Я тебя понимаю, – кивнул Володя. – Решать, конечно, тебе. Но его волю я обязан...

– Если Глеб хотел этого... – растерялась я, закрыла лицо руками и беззвучно зарыдала.

– Тебе лучше пожить у нас, – обнимая меня, сказала Светлана.

– Нет, – резко ответила я. – Нет. Я хочу побыть одна. Извините. Обо мне не беспокойтесь, все в порядке... Только надо свыкнуться с мыслью...

Света заплакала, в глазах ее мужа тоже стояли слезы. Я торопливо отвернулась.

Они ушли уже за полночь, так и не уговорив меня поехать к ним. На предложение остаться у меня я тоже ответила отказом. Мне хотелось побыть одной, отдаться своему горю, выть и кричать, не сдерживая себя. Иначе можно лишиться разума.

Где-то около двух, когда я сидела на полу, раскачиваясь из стороны в сторону и тоненько поскуливая, зазвонил телефон.

– Ты не спишь? – виновато спросил Володя.

– Нет.

– Я вот что хотел... надо сообщить родственникам. Этим может заняться Светлана. Она придет утром. Хорошо?

– Да-да, спасибо, – поспешно ответила я и бросила трубку.

Потом поднялась и прошла в комнату Глеба. «Родственники, – крутилось в голове, – родственники...» Насколько мне известно, родственников у него не было. Мать умерла шесть лет назад, другой родни просто не наблюдалось, если не считать отчима, с которым Глеб, кажется, поддерживал отношения. Я должна ему сообщить. Он живет в Екатеринбурге. Где-то в бумагах Глеба наверняка должен быть адрес. Я села за стол, выдвинула верхний ящик и достала записную книжку, судя по записям, муж начал ее всего месяц назад. Другой в столе не оказалось. Счета, кипа ненужных бумаг: гарантия на телевизор и прочая чушь, страховки, потре-

паннный фантастический роман и пособие начинающему рыболову. Никаких личных записей или просто клочка бумаги с телефонным номером. Не помню, чтобы Глеб получал письма или кому-то звонил, я имею в виду своих личных знакомых. Только отчиму. Но и с ним при мне не разговаривал, просто сообщал: «Пойду позвоню отчиму». Навестить же отчима никогда не предлагал, да мне бы и в голову не пришло ехать в Екатеринбург...

Я еще немного порылась в бумагах. Ничего существенного. Что-то вроде беспокойства закралось мне в душу: должно же было хоть что-то остаться. Впрочем, если заглянуть в мой стол, вряд ли там обнаружится что-то интересное. Никаких писем и открыток, потому что родственников у меня тоже нет. А телефоны и адреса общих знакомых в электронной книжке в прихожей.

Я потерянно оглядела комнату. Наша свадебная фотография на тумбочке. Ее сделали, когда мы выходили из загса, обычный любительский снимок. Я уткнула нос в букет цветов так, что лица почти не видно, Глеб в этот момент повернул голову ко мне, и на фото его лицо неузнаваемо. Часть щеки и затылок. Это единственная фотография. Я терпеть не могу фотографироваться, и Глеб, по-моему, этого тоже не любил. Отправляясь в загс, ни о видеокамере, ни о фотографиях он не позаботился. Володя, узнав об этом, расстроился и поймал какого-то самодеятельного фотографа. Теперь фотография – это все, что осталось у меня на память.

Мы познакомились год назад в Египте. Я приехала туда одна. Врачи настойчиво рекомендовали мне покой и смену впечатлений, сочетание, на мой взгляд, несколько неожиданное, но спорить я не стала. Наткнулась на объявление в газете «Отдых в Египте» и позвонила в турфирму. Оформлять визу не требовалось, загранпаспорт у меня был, в ближайшую субботу я вылетела в Хургаду и через несколько часов оказалась в отеле «Аладдин» с четырьмя звездочками на фасаде. Глаз радовали пальмы и экзотические цветы, так что с впечатлениями все было нормально. Отель представлял собой систему домиков, на два номера каждый, с симпатичной верандочкой, где было приятно посидеть вечером, глядя на небо с россыпью звезд.

Утром я отправилась на пляж, где и пробыла до двенадцати часов. После купания в море на меня напала лень, я сидела на веранде, разглядывала гирлянды цветов возле дома напротив и подумывала: не подремать ли немного?

Дорожка между домиками была вымощена плиткой, я слышала шаги и вскоре смогла лицезреть мужчину в шортах с полотенцем на плече, который поднялся на веранду двести сорок восьмого номера, как раз напротив меня, и устроился в кресле, бросив полотенце на ручку двери. Нас отделяло друг от друга метров пять, не более. Два человека сидят напротив и, разумеется, испытывают неловкость, в такой ситуации надо либо уйти, либо заговорить.

– Здравствуйте, – сказал он, чуть улыбнувшись, и я ответила:

– Здравствуйте.

Однако чувство неловкости не проходило, и, должно быть, по этой причине мужчина продолжил:

– Отличная погода.

«Дельное замечание, – подумала я, – если учесть, что в это время года здесь другой не бывает».

– Да, погода прекрасная, – без намека на иронию согласилась я.

– Давно приехали?

– Вчера.

– В самом деле? Каким рейсом?

– В 14.20 из Шереметьева.

– Подумать только, я тоже. Странно, что я не видел вас в самолете.

– Ничего странного, столько народу отправляется в это время в Египет. – В этом месте я решила, что выполнила долг вежливости, и, поднимаясь, сказала: – Приятного отдыха. – После

чего скрылась в своем номере. Заводить знакомства я не стремилась, особенно с мужчинами. Надеюсь, мы с ним будем встречаться нечасто. Впрочем, номер у него двухместный, очень возможно, что отдыхает он не один и я беспокоюсь напрасно. Такому типу вряд ли придет в голову отдыхать в одиночестве. Либо крепкая мужская компания (подальше от дел и осточертевшего семейства), либо юная любовница: деньги потратишь небольшие, а пыль в глаза есть чем пустить.

Я размышляла об этом, стоя под душем, и вдруг поймала себя на мысли, что чересчур много думаю о соседе. Должно быть, он произвел на меня впечатление. Я пожала плечами, вышла из ванной, включила телевизор и завалилась спать.

Вечером, во время ужина, я вновь встретила соседа. Не успела я занять столик на двоих возле окна, как появился он. В светлых брюках и бледно-салатовой трикотажной рубашке с коротким рукавом он выглядел сокрушительно, женщины откровенно глазели на него. Высокий, спортивный, с шикарным загаром, стильной стрижкой, мужественным лицом, которое так нравится дамам, да еще в дорогих тряпках. Большие деньги здесь присутствовали вполне зримо. Манеры указывали на то, что деньги для нас в жизни не главное, мы относимся к ним философски, а вот себе цену знаем.

В общем, в другое время он меня бы, вне всякого сомнения, заинтересовал, но в тысячах километров отсюда был человек, которому я месяц назад дала твердое обещание и намеревалась сдержать его, оттого появление соседа не вызвало в моей душе ничего, кроме легкой досады.

– Простите, у вас свободно? – спросил он, и я кивнула.

По тому, как он смотрел на меня, стало ясно: моя неземная красота успела произвести на него впечатление, парень наверняка расстарался и теперь знал, что отдыхаю я в одиночестве, и, несомненно, рассчитывал на успех.

Я попыталась определить, сколько ему лет. Двадцать семь? Скорее всего больше. Возраст выдают глаза. Я бы дала лет тридцать пять. Лицо красивым не назовешь, но было в нем нечто... в общем, бальзам на женскую душу. Обручальное кольцо отсутствует, причем, это лишь показатель того, что человек не желает афишировать свое семейное положение. Загорелые руки с хорошо развитой мускулатурой наводили на мысль о первородном грехе, то есть настойчиво напоминали о том, что есть такая штука – секс и заниматься им с подобным типом одно удовольствие, по крайней мере, на удовольствие рассчитываешь.

Я перевела взгляд на его тарелку. Куски мяса и гора риса указывали на то, что организм у соседа здоровый и аппетит тоже. Мужики, подходящие к шведскому столу за листиком салата и долькой апельсина, всегда вызывали у меня настороженность.

Между тем, устроившись за столом и ласково поглядывая на меня, сосед предложил:

– Давайте познакомимся. Меня зовут Глеб. А вас?

– Полина, – ответила я.

– Очень приятно.

– Взаимно.

– Чем собираетесь заняться после ужина?

Я пожала плечами:

– Никаких планов. Возможно, прогуляюсь или посижу на берегу.

– Я прочитал объявление. Сегодня здесь что-то вроде концерта. Танец живота. Не интересуетесь?

– Можно взглянуть, – опять пожала я плечами.

К нам подошел официант.

– Что будете пить? – спросил меня Глеб.

– Чай, – ответила я.

– Отлично. Значит, я тоже чай.

С официантом Глеб объяснялся по-английски, языком, похоже, он владел в совершенстве. «Какая-нибудь столичная фирма, солидный пост», – решила я. Принесли чай. Несмотря на мое внутреннее сопротивление, Глебу удалось меня разговорить. Чаепитие закончилось, мы болтали, курили и провели вместе часа полтора, после чего я напомнила о танце живота, и мы отправились к пляжу, где было устроено что-то вроде эстрады: навес из тростника, скамейки и выложенный плиткой круг, где и должно было состояться представление.

Выступление танцовщицы особого впечатления на меня не произвело, я продолжала сидеть лишь из вежливости, Глеб откровенно скучал. Он наклонился ко мне и заговорщицки прошептал:

– Что, если нам смыться?

Предложение показалось мне дельным, и мы потихоньку выскользнули из-под навеса и направились к бассейну, побродили по многочисленным импровизированным улочкам отеля, подсвеченным огнями, и в первом часу ночи простились, совершенно довольные друг другом.

Утром я обнаружила Глеба сидящим на веранде, он улыбнулся и поднялся навстречу мне.

– Вы еще не завтракали?

– Только собираюсь.

– Вот и отлично. Идемте.

Я взглянула на него с некой настороженностью: он что, сидел все утро на веранде, поджидая меня? Довольно глупое занятие. Тут же выяснилось, что я не права.

– Любите по утрам поваляться в постели? – спросил он.

– Есть грех, – усмехнулась я. – А вы чем занимались?

– Подводным плаванием. В основном из-за этого сюда и приехал. Вы когда-нибудь ныряли с аквалангом?

– Нет.

– Советую попробовать. Подводный мир здесь совершенно фантастический. Получите настоящее удовольствие.

Долго уговаривать меня не пришлось, и сразу же после завтрака мы отправились к инструктору. В общем, совершенно незаметно мы стали почти все время проводить вместе. Не то чтобы Глеб был навязчивым, вовсе нет, но как-то так получалось, что в нужный момент он всегда оказывался рядом. Сдержанный, улыбчивый, внимательный, о таком спутнике женщине оставалось только мечтать. Хотя Глеб не скрывал, что я ему нравлюсь, отношения наши оставались чисто дружескими. Я не испытывала желания переводить их в другую плоскость, а Глеб, то ли чувствуя это, то ли не стремясь форсировать события, тоже не пытался изменить что-либо. Каждый вечер, проводив меня до двери, он пожимал мне руку и говорил: «До свидания», – улыбаясь уголками губ. Поведение, прямо скажем, необычное. Возможно, парень выжидал, когда я созрею? Если так, выходило, что вел он себя, как профессионал. Может, я бы его в этом и заподозрила, не зная наверняка, что у бизнесменов нет времени заниматься подобной ерундой.

Только на четвертый день знакомства мы перешли на «ты». Этому сильно поспособствовало то обстоятельство, что Глеб спас мне жизнь. Возможно, это сильно сказано, но факт остается фактом. Неизвестно, чем бы все кончилось, не окажись Глеб рядом со мной.

А произошло вот что. Мы в очередной раз спустились под воду. На этот раз глубина была метров одиннадцать. Вообще-то новичку вроде меня положено плавать с инструктором, но так как я оказалась ученицей толковой, а Глеб был просто профи, инструктор нами практически не занимался, предоставив нас самим себе.

Оказавшись под водой, я испытала уже привычное чувство восторга, Глеб коснулся моей руки и указал на глубокую расщелину. Оттуда появилась огромная рыба, и я едва не закричала от неожиданности, Глеб уверенно продвигался вперед, и я за ним. А потом... Что произошло потом, я так и не поняла. Увлечшись наблюдением за стаями рыб, я потеряла Глеба из

виду, огляделась и, не обнаружив его, нырнула в расщелину. И вот тогда... Возможно, я нырнула слишком глубоко, а может быть, действительно столкнулась с электрическим скатом, как предположил позднее Глеб, в общем, что-то коснулось моей шеи, и это было последним, что я почувствовала перед тем, как потерять сознание.

Очнулась я на катере. Глеб испуганно таращил глаза, поддерживая мою голову, а вокруг толпились мужчины и быстро-быстро что-то говорили по-арабски.

– Слава богу, – пробормотал Глеб, заметив, что мой взгляд приобрел осмысленное выражение. – Что случилось?

Ответить на этот вопрос я не смогла. Между тем мы причалили к берегу, и Глеб настоял на том, чтобы я показалась врачу. На моей шее обнаружилась царапина, но ее происхождение так и осталось тайной. Мне был прописан покой. Я отправилась в постель, а Глеб устроился в кресле напротив, и часа два мы строили различные предположения.

– С подводным плаванием покончено? – спросил он, когда уже собирался уходить.

– Ничего подобного, – усмехнулась я.

И на следующее утро, к большому огорчению инструктора, вновь спустилась под воду. Правда, теперь я предпочитала все время держаться рядом с Глебом, чаще всего просто уцепившись за его руку. Говоря по чести, стоило мне оказаться под водой, как на меня наваливался страх, быстро переходящий в ужас, и, лишь собрав в кулак всю свою волю, мне удавалось справиться с ним. Последствием этого происшествия, как я уже сказала, стало то, что мы перешли на «ты», а Глеб начал проявлять заботу обо мне с удвоенным рвением.

О личной жизни мы впервые заговорили по дороге в Луксор. Посмотреть долину царей было моей идеей, но ехать на автобусе Глебу не хотелось, и он взял напрокат машину. Луксор находится километрах в трехстах от Хургады, дорога заняла много времени, туристы в целях безопасности могли передвигаться здесь лишь под охраной, и нам предстояло ехать с конвоем. Словом, времени для разговоров было сколько угодно, и Глеб вдруг спросил меня:

– Чем ты занимаешься?

– Несколько лет работала секретарем-референтом, – пожала я плечами. – Потом вышла замуж.

– И что?

– Муж предпочитал, чтобы я сидела дома.

– Ты говоришь о муже в прошедшем времени. Вы развелись?

– Он умер. Год назад.

– Извини.

– Все в порядке. Прошло довольно много времени.

– Несчастный случай?

Я насторожилась, но взгляд Глеба ничего, кроме внимания и сочувствия, не выражал.

– Да-а, – неохотно кивнула я. – То есть вовсе нет... его убили. Застрелили в двух шагах от нашей квартиры.

– Бизнес?

– Не знаю. До сих пор толком ничего не выяснили.

– Тебе здорово досталось?

– Еще бы. Муж оставил мне кучу денег. Кое-кому это показалось подозрительным, хотя я в момент убийства уже месяц как лежала в больнице с двухсторонней пневмонией и сама едва не отправилась на тот свет. Когда все кончилось, я уехала оттуда. Не могла больше находиться в этом городе.

– Значит, ты богатая вдова? – спросил Глеб с улыбкой.

– Значит. Понемногу прихожу в себя. Подумываю устроиться на работу, жизнь в четырех стенах становится невыносимой. А пока решила развеяться и приехала сюда.

– Я рад, что это пришло тебе в голову, – кивнул Глеб, – иначе мы бы не встретились.

– Ты женат? – задала я, с моей точки зрения, вполне уместный вопрос.
– Нет. И никогда не был. Пару раз собирался, но в последний момент непременно что-то случалось.

– Например?

– Ну... мне пришлось накануне свадьбы отправиться в командировку, а невесте это не понравилось, мы поссорились, а помириться не сумели.

– Что ж, твою невесту можно понять.

– Конечно.

– Ты из Москвы?

– Да.

– А чем занимаешься, если не секрет?

– В настоящий момент я пенсионер... То есть я так это называю.

– Бывший военный? – спросила я, хотя на военного он вовсе не походил.

– Нет, – с усмешкой покачал он головой.

– Я полагаю, дальнейшие вопросы неуместны? – тоже усмехнулась я.

– Ну почему же... Могу пояснить, если это интересно.

– Интересно, – кивнула я.

– Несколько лет я работал в одной крупной фирме. Все было прекрасно, пока я не начал проявлять излишнее любопытство, вполне объяснимое, кстати. А проявив его, понял, что работа... как бы это выразиться... для меня не совсем подходящая.

– Криминал?

– Разумеется. И я счел за благо удалиться, пока это было возможно. Вот и все.

– Занятно. И что думаешь делать дальше?

– Понятия не имею. Для начала тоже решил отдохнуть. Я лет семь не был в отпуске. И, честно говоря, мне понравилось бездельничать. Денег мне хватит до самой старости, причем с лихвой. Возможно, организую собственное дело, но пока думать об этом лень.

– Что ж, по-моему, разумно.

Он улыбнулся в ответ, и мы ненадолго замолчали.

К концу первой недели я начала задаваться вопросом: почему Глеб не стремится оказаться со мной в одной постели? Не то чтобы мне этого хотелось, нет, просто его поведение казалось странным. Сама я не делала никаких попыток к сближению. Влюбляться я не собиралась, а для курортного романа Глеб не казался мне особо подходящей кандидатурой.

Я лениво размышляла об этом, валяясь на пляже, а где-то на десятый день поняла, что неожиданно я увлеклась им. Открытие меня не порадовало. До конца поездки оставалось четыре дня, и я надеялась, что, расставшись с Глебом, я скоростижно забуду о нем. Теперь выходило, что все не так просто.

В один из дней Глеб предложил прогулку на яхте, и я, конечно, согласилась. Не считая команды из трех человек, мы были одни, купались, загорали, болтали о пустяках и были абсолютно счастливы. Стоя на носу яхты и чувствуя за спиной Глеба, я беспричинно улыбалась, и вдруг... странное чувство охватило меня, в какой-то момент на меня напал лютый страх. Я вдруг подумала: «Вот сейчас, сию минуту он толкнет меня...» Я уже видела, как падаю, ударяясь головой о корму, теряю сознание, а потом винт разрубает меня на куски...

Видение было столь отчетливым, что я невольно попятилась, резко повернулась и увидела лицо Глеба. Глаза его были скрыты очками, но лицо выглядело чересчур серьезным, правда, в ту же секунду он улыбнулся.

– Потрясающе, правда?

– Правда, – кивнула я, но поторопилась убраться подальше от опасного места, мысленно ругая себя на чем свет стоит. С какой это стати Глебу желать моей смерти? Чушь...

В последний вечер мы отправились в Хургаду с намерением изведать прелести ночной жизни города. В отель вернулись под утро. Я едва держалась на ногах от усталости. На веранде по соседству шумная компания что-то отмечала... В общем, испытывая некоторую неловкость под любопытствующими взглядами, мы простились возле моей двери.

Автобус, который на следующий день должен был отвезти нас в аэропорт, отправлялся в шесть вечера, так что времени до отъезда было вдоволь, и Глеб за завтраком спросил:

– Чем займемся?

– Будем валяться на пляже. Номер необходимо сдать в двенадцать.

– Совершенно необязательно, – усмехнулся он и взял меня за руку. По тому, как он это сделал, стало ясно, что он имеет в виду.

По дороге в номер я рассудила, что это вполне логичное завершение знакомства. В конце концов, парень здорово потратился и имеет право на кое-какое удовлетворение. Развлекая себя циничными мыслями в том же духе, я отлично знала, что на самом деле хочу этого не меньше, чем он.

Мы вошли в его номер, он запер дверь, улыбнулся, точно извиняясь, а потом принялся меня целовать. Часа через два я с чувством воскликнула:

– Какого черта мы столько времени потратили впустую?!

А Глеб засмеялся.

На автобус мы, конечно, опоздали, пришлось ехать на такси. Регистрацию мы успели пройти за несколько минут до вылета, и, оказавшись в самолете, я самым бездарным образом уснула, уткнувшись носом в плечо Глеба (он и здесь проявил чудеса расторопности и сумел уговорить пожилую даму поменяться с ним местами).

Проснувшись я, когда самолет пошел на посадку. В Шереметьеве началась суета, так что мы не успели сказать друг другу и трех слов. Меня встречал приятель с моим демисезонным пальто, перекинутым через руку, и прощание с Глебом вышло каким-то скомканным.

У него был номер моего сотового, у меня был номер его. По дороге домой, отвечая на вопросы своего приятеля об отдыхе в Египте, я вдруг почувствовала странную тоску при мысли, что никогда не увижу Глеба. Впрочем, я была совершенно уверена, что он позвонит в тот же день. Но он не позвонил. Это причинило мне невероятную боль. Я решила поскорее забыть о нем, но на третий день, ругая себя последними словами, позвонила сама. Совершенно напрасно, между прочим. Глеб не ответил. На вторую попытку меня уже не хватило. Сидя вечером одна в своей квартире и испытывая чувства, доселе мне неведомые, я вдруг с удивлением поняла, что влюбилась. Выходило, что Глеба стоило поблагодарить за то, что он не позвонил мне, потому что в чем в чем, а в любви, как мне тогда казалось, я нуждалась меньше всего.

Прошел еще один день. Я выходила из машины возле своего подъезда, когда услышала за спиной:

– Полина... – Повернулась и увидела Глеба.

Он стоял, привалившись к новенькому «Шевроле», и выглядел немного смущенным.

– Это ты? – ахнула я и выронила ключи. Мы одновременно наклонились за ними. Глеб взял меня за руку и вздохнул:

– Наверное, надо было предупредить... – И без перехода добавил: – Я люблю тебя.

– Господи, – засмеялась я. – Господи... как я счастлива.

– Я с вещами, – заявил Глеб, как только мы вошли в квартиру. – В общем, на всю жизнь. Как ты на это смотришь?

– Я в восторге.

– А замуж за меня пойдешь?

– Куда ж деваться, если ты с вещами...

С тех пор мы не расставались. Через месяц поженились, и все это время я была абсолютно счастлива. Теперь, когда бывшее счастье оказалось утраченным навсегда, эти несколько месяцев

представлялись мне самыми невероятными в моей жизни, повторить их никогда и ни с кем невозможно, и от этого мое горе казалось мне безграничным, а дальнейшая жизнь никчемной.

Утро опять выдалось солнечным, и это причиняло почти физическую боль, казалось, мне стало бы легче, погрузись весь мир в беспросветную мглу. Позвонила Светлана.

– Полинька, я заеду через полчаса.

Я безразлично буркнула:

– Конечно.

Она приехала и, взглянув на меня, заплакала.

– Поля, так нельзя, надо держаться. Тебе ни в коем случае не следует оставаться одной...

– Нет-нет, – торопливо ответила я, боясь, что Светлана решит проводить со мной все время, а я теперь просто не способна кого-то видеть. – На самом деле все не так плохо. Пройдет месяц, два, и я начну привыкать. Все привыкают. Какие у нас дела? – облизнув пересохшие губы, спросила я, стараясь перевести разговор в другую плоскость. В сочувствии я совершенно не нуждалась.

– Надо сообщить родственникам, – начала Света, а я перебила:

– Получается, что сообщать некому. У меня родни нет, и у него тоже, если не считать отчима. Но ни его адреса, ни телефона в вещах Глеба я не нашла.

– Ясно, – вздохнула Светлана. – В конце концов, отчим не отец, можно сообщить позднее. Где он живет?

– В Екатеринбурге.

– Еще вопрос, смог бы он приехать... Скорее всего он пенсионер, дорога дальняя... – Светлана говорила что-то еще, но я не слушала, последнюю фразу ей пришлось повторять дважды, прежде чем я поняла, что она хочет. – Нужна фотография Глеба.

– Зачем? А, да... У меня только свадебная.

– Свадебная не подойдет. К тому же его лица на ней почти не видно...

– Другой нет.

– Как – нет? – не поняла она.

– Просто нет. И я, и Глеб терпеть не могли фотографироваться.

– Неужели нет ни одной фотографии?

– Нет, – теряя терпение, ответила я.

– На паспорте, на военном билете наконец...

– Документы он взял с собой.

– И военный билет?

– Наверное. В столе его нет.

– Все-таки это странно, – нахмурилась Светлана. – Ни одной фотографии...

– Странно, странно, – повторила я, цепляясь за это слово.

А ведь действительно странно. Человек умирает, и после него не остается никаких материальных подтверждений его недавнего присутствия на земле. Одна фотография, где он, точно нарочно, отвернулся. Странно... Отчего ж, все имеет свое объяснение. Умри я сегодня, и после меня тоже мало что останется. Та самая фотография, где я уткнулась лицом в цветы... Вот именно. Должно быть объяснение, должно...

Я поторопилась отделаться от Светланы. Как только за ней закрылась дверь, я вернулась в комнату Глеба и еще раз тщательно просмотрела бумаги в его столе. Ничего интересного. Документы, в которых чаще всего фигурировало мое имя, договор на аренду ячейки в банке – все это составлено уже при мне, здесь, в этом городе. О прежней жизни Глеба, до нашей встречи, мне практически ничего не известно. Он, конечно, делился со мной детскими воспоминаниями, забавными рассказами из веселой юности, но по большому счету это ничего не значило. Теперь это вдруг меня испугало.

Вот тут мне бы проявить мудрость и оставить все как есть, но горе сыграло со мной злую шутку, здравый смысл отступил, и я с удвоенным рвением принялась рыться в бумагах. Вытащила все три ящика, встала на колени и вскоре была вознаграждена за усердие. К задней стенке стола прилип клочок бумаги. Я достала его. Обрывок какого-то текста, отпечатанного на компьютере. «Меня удивляет ваше сомнение. Более того, вы сами находитесь в опасности, сказать честно, я не дам за вашу жизнь и гроша, так что подумайте и сообщите свое решение не позднее...» Далее текст обрывался. Я прочитала текст раз пять, прежде чем до меня начал доходить его смысл. Глебу угрожали. Очень похоже на письмо шантажиста. Ну конечно. Его гибель вовсе не несчастный случай, это убийство...

Телефонный звонок заставил меня вздрогнуть. Я схватила трубку и услышала незнакомый мужской голос:

– Полина Викторовна? Извините, что беспокою. Моя фамилия Горшенин, я занимаюсь делом вашего мужа. Вы не могли бы приехать? Я понимаю...

– Я приеду. Скажите, куда.

Он назвал адрес, а я начала лихорадочно собираться. Вернулась к столу и спрятала найденный только что клочок бумаги в секретер, заперев его на ключ.

Здание, куда мне предстояло явиться, находилось неподалеку – пешком можно было дойти минут за двадцать, но я поехала на машине. Найденный обрывок письма не шел из головы. Я была уверена, что вызов в милицию как-то связан с этим письмом, то есть не с ним, конечно, а с новым поворотом в деле. Наверняка у следователя появились сомнения в том, что это несчастный случай. Расследование – вещь, которая мало кому может прийти по вкусу, но в настоящий момент я хотела лишь одного: узнать правду. Впрочем, жизненный опыт подсказывал, что правда – штука непростая и, как правило, малопривлекательная.

Горшенин оказался пожилым мужчиной в помятом костюме, с усталыми глазами и лысиной, которую он тщетно пытался замаскировать. При моем появлении он встал, представился и выразил сочувствие. Я кивнула, вглядываясь в его лицо, ожидая сногшибательных известий, но наш разговор меня разочаровал. Для Горшенина Петра Васильевича дело было совершенно ясным. Несчастный случай. Машина шла на большой скорости, после дождей обочина была грязной и скользкой, машину занесло и отбросило в кювет, она несколько раз перевернулась, после чего взорвалась и выгорела дотла, что и неудивительно – в салоне находилась канистра с бензином, именно поэтому... Тут Горшенин несколько смешался, кашлянул и торопливо продолжил. Вскрытие показало, что мой муж скончался не от ожогов, как предполагалось вначале, хотя и ожогов вполне хватило бы, так как практически на сто процентов кожный покров поврежден и...

– Вы видели, в каком он состоянии, – точно извиняясь, добавил Петр Васильевич. Оказывается, Глеб умер от инфаркта. Приступ случился в машине, именно поэтому он и не справился с управлением. Налицо несчастный случай. Горшенин еще раз выразил мне сочувствие, и я поняла, что разговор окончен. Поднялась и, точно во сне, вышла из кабинета.

Что за чушь – у Глеба большое сердце? Он перенес операцию? Да это просто смешно. Какая, к черту, операция. Человек с больным сердцем избегает нагрузок. Глеб отличался отменным здоровьем, несколько часов в неделю проводил в тренажерном зале, а еще занимался подводным плаванием. Он легко сажал меня к себе на плечи и носился по пляжу, при этом не особенно задыхаясь. Разве такое возможно после операции? Чепуха... Все это подтверждает мои сомнения. К черту несчастный случай! Глеба убили... А канистра в салоне? Моему мужу в голову бы такое не пришло. Во-первых, он помешан на чистоте, во-вторых, всегда остро реагировал на запахи. Не помню, чтобы он когда-нибудь прихватывал канистру в салон.

Я села в машину и, не успев прикрыть дверь, набрала номер телефона.

– Слушаю. – Голос звучал заволаживающе, чуть хрипловато.

– Это я...

- Черт возьми, что у тебя с телефоном? Я пытался тебе дозвониться...
 - Извини, забыла включить.
 - Где ты? Надо встретиться.
 - Я только что из милиции. Ты сможешь подъехать к скверу возле собора?
 - Конечно. Буду там через десять минут.
- Я положила телефон на соседнее кресло и завела машину.

На дорогу я потратила гораздо больше десяти минут. Выезд с проспекта был перекрыт, пришлось добираться через мост. Когда я притормозила возле ограды сквера, Федор уже ждал меня, прогуливаясь по ближайшей аллее. Я бросилась к нему. Высокий, в длинном темном пальто нараспашку, с сурово сведенными у переносицы бровями, он выглядел хмурым и даже недовольным, но, несмотря на это, был фантастически красив.

Яркий блондин, со стального цвета глазами и смуглой кожей. Что может быть привлекательнее для огромного числа женщин?

– Здравствуй, – пробормотала я, подходя ближе. Он терпеливо ждал, сунув руки в карманы пальто.

– Черт возьми, ты же мне обещала, ты клялась, что это в последний раз... Какого дьявола... Я едва не свихнулся, когда узнал. Почему ты ничего не сказала? – Я обняла его за шею и уткнулась носом в грудь. С некоторой неохотой он поднял руку и погладил мое плечо. – Успокойся.

– Ты ничего не понял, – тихо сказала я. – Я его люблю. Я люблю его.

– Я это слышал много раз, – отстраняясь, ответил он, невольно поморщившись.

– Я люблю его...

– Хорошо, хорошо. Я не силен в психологии, как ты знаешь. Но ты мне обещала...

– Ты с ума сошел, – резко сказала я. – Ты ничего не понял. – Слезы брызнули из моих глаз, я развернулась и бросилась к машине, Федор догнал меня, схватил за плечи и рывком прижал к себе.

– Прости... так, значит... бедная моя девочка...

– Я не знаю, как мне жить, Феденька, – зашептала я, давясь слезами. – Я не хочу жить. Я так люблю его... это никогда не кончится...

– Успокойся. Пойдем сядем, вон там скамейка. Я узнал только сегодня, два часа назад. Почему ты не позвонила?

– Не знаю. Я сама не своя. Федя, что делать?

– О господи, – вздохнул он, – ну что тут сделаешь? Только надеяться, что боль пройдет. Ты же сама отлично знаешь, все когда-нибудь проходит.

– Это несправедливо, – прошептала я, – ведь я так люблю его... – Федор отвернулся, а я схватила его за руку. – Почему ты молчишь? Ты ведь думаешь, я это заслужила? Ты ведь так думаешь?

– Совершенно не важно, что я думаю. Важно, что я люблю тебя. И мне больно видеть, как ты страдаешь. И больно вдвойне, оттого что я не знаю, как тебе помочь.

– Тут ничем не можешь, – вздохнула я.

Он обнял меня и поцеловал в висок.

– Что в милиции? – спросил он минут через пять, когда я перестала всхлипывать и поне-много успокоилась.

– Ничего. Несчастный случай.

– Ты говоришь это таким тоном, точно тебя это не устраивает.

– Я не верю в несчастный случай.

– Что? – Глаза его полыхнули гневом. – Уж не хочешь ли ты сказать...

– Мне это даже в голову не пришло.

– Надеюсь, – усмехнулся он. – Должен тебе заметить, мне очень не нравится происходящее. Ты ничего от меня не скрываешь?

– Конечно, нет. – Он вглядывался в мое лицо, точно сомневаясь. Это вывело меня из терпения. – Какого черта ты так смотришь на меня? Ты что, мне не веришь?

– Я уже сказал, мне очень не нравится происходящее. И мне невыносимо думать, что ты обманываешь меня.

– Не говори глупостей. Я клянусь.

– Твоим клятвам грош цена, и ты это знаешь не хуже меня.

– Замолчи...

– Разумеется. Ты не терпишь, когда я говорю об этом. Сколько раз ты меня обманывала?

– Замолчи, – повторила я, – сейчас совсем другое. Я сказала тебе правду, я сразу сказала тебе правду, как только он приехал сюда. Я его любила и сейчас люблю, и ничего с этим не поделаешь.

– Хорошо. Допустим, ты права, а я нет. Но происходящее мне по-прежнему не нравится. Эта авария выглядит очень подозрительно.

– Мне сказали, что он умер от сердечного приступа. Чушь собачья, – вытирая нос платком, тихо сказала я. – Глеба убили. Я уверена в этом.

– Ты уверена?

– Да. Сколько раз повторять? Я нашла в его столе письмо. Очень похоже на шантаж.

– Постой, кому это надо?

– Понятия не имею. Мне вот что пришло в голову: я ведь ничего о нем не знаю. Совсем ничего. У меня даже нет его фотографии...

– Ну, это неудивительно, – хмыкнул Федор, но тут же нахмурился. – Значит, что-то из его прежней жизни?

– Он намекал на какие-то проблемы...

– Похоже на правду, – немного помолчав, вздохнул Федор. – Не хотел тебя пугать раньше времени... Видишь ли, сегодня я переговорил кое с кем... Версия о несчастном случае сомнений не вызывает, однако кое-какие странности и меня насторожили. Допустим, машину отшвырнуло в сторону... О господи, я спятил, что говорю тебе это...

– Продолжай, – потребовала я.

– В общем, если коротко, подозрительно выглядит сам пострадавший. Этот бензин в салоне и то, что труп в таком состоянии, даже опознать его практически невозможно. Отпечатки пальцев отсутствуют, а зубы были выбиты, когда он ударился о руль... Что ты на это скажешь?

– Я скажу, кому-то очень не хотелось, чтобы менты хоть что-нибудь узнали о Глебе. А отпечатки пальцев – это след.

– Ты...

– Я хочу знать, кто его убил и за что.

– Надеюсь, ты не делилась своими сомнениями в милиции? – насторожился Федор.

– Нет. И не собираюсь.

– Разумно. Иногда находишь то, чего совсем не ищешь. Извини, что говорю прописные истины. В твоих интересах, чтобы Глеба поскорее похоронили. У ментов нет причин тянуть с этим.

– Глеб настаивал на кремации.

– Опа! – зло крикнул Федор. – Я начинаю думать, что все даже хуже... Послушай моего совета – не лезь в это дело.

– Ты знаешь: я обожаю советы.

– Что с того, если ты узнаешь, за что его убили? Глеба не вернешь. Глупо совать голову в петлю.

- Я хочу знать правду. Я найду убийцу и...
- И что?
- Не знаю. Но я его найду.
- Отговаривать тебя бессмысленно. Что ж, постарайся хотя бы сохранить голову на плечах.
- Ты мне поможешь? – спросила я.
- А куда мне деваться? – усмехнулся он.

Я вернулась домой. Едва я переступила порог, тоска навалилась на меня с новой силой. Я не могу здесь находиться, просто не могу... А что мне еще остается? Переехать в гостиницу, снять квартиру? Что это изменит? Ничего. Глеба в самом деле не вернуть. Но я могу найти его убийцу. Я верила, что могу. Вот этим и следует заняться. Если Федор прав, предприятие далеко не безопасное, следовательно, мне будет не до тоски.

Я решительно вошла в комнату мужа и огляделась, подошла к шифоньеру, распахнула створки. Теперь я проводила обыск по всем правилам: вывернула карманы, прощупала каждый шов на одежде. Ничего. Ни клочка бумаги, даже троллейбусного билета и то не нашлось. Впрочем, не помню, чтобы Глеб пользовался общественным транспортом.

Мы почти все время проводили вместе. Как только он переехал ко мне, сразу встал вопрос о том, чем он собирается заняться в нашем городе.

– Ничем, – пожал он плечами в ответ на мой вопрос. – Пока, по крайней мере. О деньгах не беспокойся, я тебе говорил...

– Я помню. И деньги меня совершенно не интересуют. Ты что, забыл: я богатая вдова. Просто мужчины быстро утомляются от безделья.

– Когда утомлюсь, начну думать. А сейчас мне просто хочется быть рядом с тобой. Как тебе такая перспектива?

– Я в восторге. Только одно меня смущает. Если я буду мозолить тебе глаза двадцать четыре часа в сутки, то очень скоро могу надоесть.

– Таким образом ты даешь понять, что видеть меня сутки напролет для тебя затруднительно? – усмехнулся он, а я захохотала.

– Вот уж нет, я чувствую себя невероятно счастливой. И, как человек здравомыслящий, боюсь за свое счастье.

– Совершенно напрасно. Но одна проблема у нас все-таки есть. – Он поднялся с кресла, в котором сидел до этого времени, вышел в холл, достал из шкафа сумку, с которой приехал, и вернулся с ней в комнату. Не торопясь расстегнул «молнию» и вытряхнул содержимое сумки прямо на пол. А я открыла рот от изумления. Такого количества денег мне видеть еще не приходилось.

- Сколько здесь? – с трудом сглотнув, спросила я.
- Полмиллиона, – пожал плечами Глеб, вновь устраиваясь в кресле.
- Ты кого-нибудь ограбил? – пошутила я, но вышло как-то чересчур серьезно.
- Я похож на грабителя? – спросил Глеб.
- Нет, – помедлив, ответила я, приглядываясь к нему. – Ты не похож на грабителя.
- Надеюсь. Это мои деньги, добытые на совершенно законном основании. Конечно, налоговая инспекция может с этим не согласиться, но на то она и налоговая. В целом все законно, в том смысле, что других хозяев у этих денег нет.
- Я вовсе не... – торопливо начала я, но Глеб меня перебил:
- Я не хочу, чтобы у нас были тайны друг от друга. Я честно заработал эти деньги. Но хранить в доме такую сумму неосмотрительно. Вот тебе проблема: что с ними делать?
- Положить в банк, – пожала я плечами и, заметив усмешку на его лице, поспешно пояснила: – У меня есть знакомый... Дружбу с ним я не афиширую, на это есть причины, которые

понять не так трудно. Этот человек кое-чем мне обязан, он был другом моего мужа, и... впрочем, это неважно. Думаю, он даст хороший совет. Деньги должны работать. Есть масса фирм, куда ты их можешь вложить, и налоговой полиции об этом знать необязательно. А какая-то сумма всегда будет у тебя под рукой.

– У нас, – поправил Глеб.

– Хорошо, у нас. Что скажешь?

Он пожал плечами:

– Лучшего предложения все равно нет. Поговори со своим другом. Кстати, хотелось бы узнать о нем побольше.

– Зачем? – удивилась я.

– А я ревнивый, – хмыкнул он.

– Да ты с ума сошел, – возмутилась я. – Мы видимся исключительно редко, и то по делу.

– Твои деньги в его банке?

– Да.

– Что ж, тогда и с этими решили.

Засовывая деньги обратно в сумку, я вдруг испытала нечто похожее на страх. Что-то шевельнулось у меня в душе и не отпускало. Глеб обнял меня и торопливо начал целовать, затем отстранился и прошептал:

– Я сказал правду.

– Да-да, я верю, – пробормотала я, и разговор на этом закончился.

В тот же вечер я позвонила Федору, и мы договорились о встрече. Проблем, как я и предполагала, не возникло.

На следующий день Глебу вдруг пришла в голову нелепая мысль отправиться на природу. Нелепая, потому что погода мало к этому располагала. Но я с готовностью согласилась, потому что поехала бы с ним хоть к дьяволу, лишь бы это доставило ему удовольствие.

– Куда бы ты хотел отправиться? – с легким удивлением спросила я.

– Понятия не имею. Я ведь гость в вашем городе. Что-нибудь романтически-безлюдное. Река, озеро, на худой конец, годится болото.

– Ты шутишь?

– Вовсе нет. Надо обживаться на новом месте.

– И ты решил начать с болот? – развеселилась я.

Он притянул меня к себе и сказал ласково:

– Знаешь, о чем я мечтаю? О тихой, размеренной жизни, с долгими прогулками, разговорами ни о чем и вечерами у телевизора. Чтобы ты была всегда рядом и любила меня.

– С двумя последними пунктами – без проблем. Телевизор я терпеть не могу, а к прогулкам обещаю приохотиться.

– Отлично. Вот сегодня и начнем. Я пошел бриться, а ты пока подумай, куда мы поедем.

Когда он вернулся из ванной, у меня уже был план. Я даже нашла карту области и проложила маршрут, о чем с гордостью сообщила Глебу. Поездка в самом деле удалась. Мы немного погуляли в лесу, еще голому в это время года, затем выехали к реке (отправились мы на «Шевроле» Глеба, моя машина там не прошла бы) и устроились на высоком берегу.

– Если тебя интересует болото, оно в нескольких метрах отсюда, – сообщила я, разливая чай из термоса.

– Идеальное место, – усмехнулся он.

Через час, стоя на краю обрыва, Глеб вновь повторил эту фразу:

– Идеальное место.

– Идеальное для чего? – отозвалась я, закончив уборку после нашего импровизированного пикника.

– Ну, например, достаточно легонько толкнуть человека с этого обрыва и... А тут еще болото по соседству. Загнал в него машину, и вообще никаких следов.

– Кого ты собрался убить? – с притворной суровостью спросила я. – Если меня, подожди бракосочетания, тогда получишь наследство. А так, что за радость?

– Про наследство я и забыл. Зато тебе и регистрации ждать ни к чему.

– Если ты будешь так шутить, я в самом деле столкну тебя с обрыва, просто для того, чтоб не слушать всякие глупости.

Я направилась к машине, потому что шутка Глеба в самом деле мне не понравилась. Он догнал меня возле «Шевроле», у него было странное выражение лица... Трудно объяснить... Он начал меня раздевать, прямо там, в нескольких метрах от обрыва, под хмурым мартовским небом, на холодном ветру... Мы занимались любовью до самого вечера, и покидать этот богом забытый уголок нам совсем не хотелось...

– Он вел себя странно, – вслух сказала я, закончив вспоминать. Я сидела на полу в обнимку с его курткой и повторила торопливо, точно это могло подогнать мою мысль: – Вот-вот, иногда он вел себя странно... Но это не объясняет, почему он погиб.

Я огляделась еще раз. Кажется, я проверила все, никаких результатов. Невозможно, чтобы у Глеба за эти месяцы появились какие-то дела, а я о них не узнала. Впрочем, три месяца назад он вдруг увлекся рыбалкой. Меня с собой ни разу не приглашал. А что, если это как-то связано с его прошлым? Конечно, просто так уйти из дома, да еще на пару дней он не мог, вот и придумал себе хобби.

– Должно быть что-то, – пробормотала я и с удвоенной энергией продолжила обыск. Отодвинула софу, сняла картину, даже стены простучала и оторвала плинтусы. Ничего. Нетронутым остался лишь письменный стол, который я осматривала в прошлый раз. Я опять выдвинула ящики, тщательно пролистав все бумаги, затем встала на колени и начала водить рукой по верхней доске и вот тут... что-то нащупала. Изловчившись, я заглянула внутрь и увидела клочок бумаги, приклеенный скотчем к обратной стороне столешницы ближе к правому углу. В сильнейшем волнении я извлекла находку. Листок бумаги был совсем крохотный, квадратик в клеточку, аккуратно вырезанный из тетрадного листа. «Деревягин Александр Иванович», – было написано на нем почерком Глеба. И больше ничего. Никаких объяснений. Фамилия, имя, отчество неизвестного человека, которые Глеб, записав, зачем-то тщательно спрятал. Находка ничего не объясняла, скорее это даже походило на издевательство. Я с досадой отшвырнула листок, затем подумала, подняла его и сожгла в пепельнице. На память я не жалуюсь, а береженого, как известно, бог бережет.

Следующие несколько дней растянулись в вечность. Хотя стараниями Володи я и была избавлена от забот о похоронах, лучше от этого не стало, а возможно, было даже хуже, заботы отвлекают от горя.

В пятницу Глеба кремировали. К моему удивлению, народу собралось немало, за прошедший год мы уже успели обрасти знакомыми. Их присутствие меня тяготило. Я стояла в большом зале рядом с гробом и отказывалась верить в реальность происходящего. В момент прощания я не испытывала ничего, кроме чувства какой-то досады, хотелось, чтобы все поскорее закончилось. А получив урну с прахом покойного, я едва не хихикнула: это все, что осталось от моего счастья? Верх нелепости. Выходя на улицу, я услышала, как кто-то из служащих пошутил: «Покойный кремирован дважды». Но даже циничная шутка не нашла отклика в моей душе: ни возмущения, ни обиды.

Поминки оказались мучительнее похорон, надо было что-то говорить, выслушивать чужие речи... Когда все кончилось, я с облегчением вздохнула. Володя и Светлана намеревались остаться у меня, но я категорически отказалась от их предложения.

Всю ночь я не спала, чутко прислушиваясь. Вдруг рассказы о душах умерших не такая уж чепуха и Глеб даст мне знак? В квартире стояла мертвая тишина, лишь холодильник работал на кухне, а я тихо заревела и так встретила рассвет.

К обеду приехала Светлана, держа под мышкой сверток.

– Что это? – удивилась я.

– Я подумала... не знаю, может, стоило показать тебе позднее...

– Что это? – повторила я нетерпеливо, и она начала распаковывать сверток. Стало ясно, это картина или большая фотография в рамке. Наконец, завершив работу, Светлана приставила рамку к спинке дивана, и я увидела портрет Глеба, выполненный карандашом. Кое в чем неизвестный художник ошибся, но сходство, безусловно, было.

– Откуда это? – спросила я, удивляясь своему спокойствию.

– Олег Кондрашов... он ведь не всегда бизнесом занимался... Вообще-то он художник. Ты не знала? Я попросила его, и он нарисовал по памяти.

– Спасибо, – немного подумав, ответила я.

Светлана, выпив со мной кофе, уехала, а я устроилась в кресле напротив портрета и принялась рыться в своих воспоминаниях, но теперь уже не обливалась слезами, а оценивала некоторые события весьма критически. Влюбленные женщины, как известно, дуры, и я, к сожалению, не являлась исключением. Сознать это было необидно, даже скорее удивительно, так как до сего времени я считала себя весьма здравомыслящим человеком. Где-то через пару часов я позвонила Федору.

– Я хочу приехать, – сказала я твердо.

– Сюда? Может, встретимся как обычно?

– Мне необходимо кое-что проверить.

– Что ж, приезжай.

Я быстро собралась, но, выйдя из подъезда, вспомнила, что оставила ключи от машины на тумбочке в холле, возвращаться не стала и направилась к стоянке такси. На углу дома оставилась, сделав вид, что ищу что-то в сумке, незаметно осматривая в витрине пространство улицы за своей спиной. Ничего такого, что можно было бы счесть подозрительным.

Такси выстроились длинной вереницей, я подошла к первой машине, назвала адрес и минут через пятнадцать выходила возле здания банка. Общий вид здания впечатлял. Выстроенный не так давно банк стал украшением площади. Колонны, огромная лестница, отделка под мрамор, с моей точки зрения, только в таких зданиях и должны храниться деньги.

Я вошла в холл. По обеим сторонам окошки с номерами, ровный гул голосов, сквозь который с трудом пробивались отдельные слова, – обстановка что ни на есть рабочая. Я свернула направо и стала подниматься по лестнице. На втором этаже меня ждал молодой человек с такой постной физиономией, точно готовился сообщить страшную весть.

– Я к господину Сабурову, – пробормотала я и для простоты общения сунула ему свой паспорт. Мельком взглянув на него, он расцвел улыбкой и предложил:

– Прошу вас, Федор Васильевич ждет.

Путь до кабинета занял не меньше пяти минут. Секретарша при моем появлении тоже расцвела улыбкой и незамедлительно впустила меня в святая святых. Федор сидел за столом, как всегда, сокрушительно красивый. При этом он умудрялся выглядеть так, что сразу хотелось доверить ему свои деньги, душу, а также грешное тело в придачу. Он поднял голову от бумаг, улыбнулся и пошел мне навстречу.

– Ты скверно выглядишь, – сказал он сухо.

– Тебя это удивляет?

– Меня это беспокоит. Хочешь, уедем куда-нибудь вдвоем. Ты и я, как в добрые старые времена.

– Как же твоя работа?

– Да плевать на нее...

– Только без жертв, я тебя умоляю, – усмехнулась я.

Федор недовольно поморщился и устроился на краешке стола, глядя на меня сверху вниз с излишней проницательностью.

Чтобы избежать его взгляда, я стала рассматривать безделушки на его столе, пресс-папье, которым никогда не пользовались, чернильный прибор: жуткого монстра из малахита с дарственной надписью. Две фотографии в рамках, на одной была жена Федора с сыном, на другой мальчик и девочка с пушистым котом на руках. Я немного повертела фото в руках и с тяжким вздохом поставила на место. Федор продолжал взирать на меня, только теперь в его глазах появилось беспокойство.

– Мне не нравится, как ты ведешь себя, – через некоторое время сказал он.

– Что именно тебе не нравится? – подняла я бровь.

– Насколько я помню, особая сентиментальность тебе не свойственна, а сейчас у тебя вид осиротевшего ребенка. Так нельзя, возьми себя в руки. Попробуй отнестись к происшедшему философски.

– Мне просто нужно время, – вздохнула я, сама не очень в это веря. – Ты слишком много от меня хочешь. Прошло всего несколько дней...

– Ну хорошо, – кивнул он без особого, впрочем, доверия к моим словам.

– Ты сделал, что я тебя просила? – перешла я к теме, которая в настоящий момент интересовала меня значительно больше.

– Нет, – покачал головой Федор. – Я пытаюсь узнать, в какой фирме работал твой покойный супруг, но это займет очень много времени.

– Но почему? – нахмурилась я.

– По известным тебе причинам я должен действовать крайне осторожно. Если ты права и Глеба убили, мой интерес кому-то вряд ли придется по душе. Что касается убийства, у меня до сих пор сомнения... Боюсь, ты просто отказываешься поверить, что судьба так жестоко пошутила с тобой.

– Пошутила, – хмыкнула я.

– Извини. – Федор коснулся моего плеча, а потом легонько его сжал.

– Если ты прав, какого черта боишься наводить справки?

– Прежде всего потому, что подобные вещи, как правило, быстро перестают быть тайной, и кому-нибудь в правоохранительных органах может показаться подозрительным, с какой стати мы интересуемся прошлой жизнью твоего супруга. Конечно, если б я мог обратиться в официальные инстанции или, на худой конец, к частному детективу, тогда процесс поисков заметно ускорился бы.

– Почему бы в самом деле не обратиться к детективу? – оживилась я.

На лице Федора появилось выражение крайнего недовольства.

– Спятила? Неизвестно, что он накопает. У меня семья, не забывай об этом.

– Что же делать? – вздохнула я.

– Ждать, когда я смогу ответить на твой вопрос.

– Что ж, придется ждать, – поднимаясь с кресла, сказала я. – А сейчас я хотела бы заглянуть в ячейку, которую арендовал Глеб.

– Думаешь, там какие-то бумаги?

– Надеюсь.

В ячейке Глеб оставлял около восьмидесяти тысяч долларов, это мне было известно доподлинно, так как я сама сопровождала его в банк, а потом познакомила с Федором.

Мы спустились на первый этаж, а потом прошли в специальный зал. Федор кивнул дежурившему охраннику, сам взял второй ключ, мы подошли к ячейке № 1427, открыли дверцу двумя ключами. Федор достал небольшой ящичек и поставил его на стол по соседству, а я

нетерпеливо подняла крышку. Ящик был пуст. Я провела рукой по дну, как будто надеясь что-то там обнаружить, и мысленно чертыхнулась, а вслух сказала:

– Благодарю вас.

Федор поставил ящик на место, запер его и вернул один ключ мне, после чего мы покинули зал.

– Что скажешь? – тихо спросил он, когда мы поднимались по лестнице.

– Глеба шантажировали, – хмуро отозвалась я.

Федор внимательно посмотрел на меня, но вопросы отложил до того момента, когда мы вновь оказались в его кабинете.

Я прошла к окну и замерла, глядя на улицу с вереницей машин и толпой прохожих.

– Там была приличная сумма, – начал Федор, – и она исчезла. А тебе об этом ничего не известно.

– Точно. Как видишь, вывод напрашивается сам: Глеба шантажировали. Сначала это письмо, точнее, обрывок письма, теперь исчезновение денег из ячейки. В его письменном столе я нашла клочок бумаги с именем: Деревягин Александр Иванович.

– Что за тип?

– Понятия не имею. Но очень рассчитываю, что ты поможешь это прояснить.

– Попробую. Ты хочешь знать, когда он забрал деньги? Посещения фиксируются в журнале.

– Да, хочу, – кивнула я.

Через десять минут Федор сообщил:

– За одиннадцать месяцев твой муж приходил лишь однажды. Как раз накануне своей гибели... Все даже хуже, чем я думал, – недовольно пробормотал Федор. – По-моему, тебе следует покинуть город.

Я повернулась к нему и нахмурилась, Федор подошел поближе и сказал с горечью:

– Девочка, я только сейчас понял, какого дурака мы свалили.

– Что ты имеешь в виду? – спросила я, хотя не хуже его знала, о чем идет речь, просто хотелось убедиться, что мысли наши работают в одном направлении.

– Что я имею в виду? – усмехнулся Федор. – Год назад ты встречаешь человека и скоропалительно выходишь за него замуж. При этом совершенно ничего не зная о нем. Вроде бы он из Москвы. Ты хоть раз была в его московской квартире?

– Нет. Я не любопытна и чужое любопытство не приветствую.

– А адрес квартиры тебе известен?

– Он есть в бумагах.

– Вот-вот... Парень является с полумиллионом в сумке, рассказывает нам какую-то байку, а мы купились и даже не попытались проверить... Я думаю, никакой московской фирмы, где он якобы работал, просто не существует.

– Глеб кого-то ограбил и пустился в бег?

– Вот именно. Хотя, возможно, фирма и впрямь существовала. Он решил выйти из игры, забрал денежки и уехал. Его нашли и...

– Нет, – подумав немного, заметила я. – Что-то тут не склеивается. Допустим, он позаимствовал эти деньги, неважно где, а их хозяева объявились. Вряд ли они удовлетворятся суммой в восемьдесят тысяч, если он свистнул у них пятьсот. Им уже давно пора появиться у меня.

– О господи, – пробормотал Федор и даже переменялся в лице.

– А они не появились, – продолжила я. – Значит, тут скорее всего шантаж. Кто-то узнал о его местонахождении и сорвал куш. Но в этом случае убивать Глеба довольно глупо. Дойную корову берегут. Что скажешь? – обратилась я к Федору.

– Скажу, что тебе надо отдохнуть. Где-нибудь в Испании, а еще лучше в Австралии или на островах Океании. Туда добраться сложно.

– Именно по этой причине острова мне не подходят. Попробуй все-таки узнать, где работал Глеб, – вздохнула я и направилась к двери.

– Не скажешь, почему я всегда иду на поводу у тебя? – недовольно буркнул Федор, но я его уже не слушала.

Домой я отправилась пешком. Мне хотелось хорошенько подумать, а размышлять я предпочитаю прогуливаясь. Исходя из немногочисленных фактов, что у меня имеются, а также из собственных слов Глеба, он работал в фирме (предположительно, в Москве), узнал о каких-то неблагоприятных делах и решил выйти из игры. Все более-менее ясно, если б не полмиллиона. Скорее всего, он позаимствовал эту сумму у хозяев. Но в этом случае убивать его, не вернув деньги, довольно глупо. Есть еще вариант. Некто, зная, чем занимался Глеб, нашел его, шантажом получил деньги, а затем решил с ним расправиться. Тоже не очень склеивается, но эта версия реальнее первой, не то у меня в гостях уже давно побывали бы грозного вида мальчишки. Федор прав, соваться в такое дело – себя не любить, но остановиться я не могла: сидя в четырех стенах наедине со своим горем, недолго и свихнуться. Лучше попытаться найти убийцу. Подумаю это, я усмехнулась: легче сказать, чем сделать. Федор опять-таки прав, в милицию мне ни в коем случае нельзя, частный детектив тоже не подходит... Значит, придется самой. Сыщик из меня никудышный, но ничего другого все равно не остается.

Я попробовала составить план действий. Прежде всего надо попытаться узнать что-либо о прошлой жизни Глеба. Значит, следует отправиться в Москву. Если мне повезет, я смогу ответить на вопрос, где работал Глеб?

Ускорив шаг, я довольно быстро добралась до дома и вскоре уже входила во двор. Возле моего подъезда на скамейке сидел молодой человек с курносой физиономией, которую украшали реденькие светлые волосы и пушистые рыжие ресницы. Одет он был в ветровку и потертые джинсы, сидел нахохлившись и сунув руки в карманы. Заметив меня, белобрысый поднялся. Стало ясно: парень по мою душу. Так и оказалось.

– Полина Викторовна? – преграждая мне дорогу, спросил он.

– Да, а в чем дело?

Он извлек из кармана удостоверение и сунул мне под нос. Я мельком взглянула и пожала плечами.

– Чего вы хотите?

– Поговорить, – кашлянув, неопределенно ответил парень, точно сам толком не знал, чего хочет.

– Хорошо, – опять пожала я плечами, – пойдемте в квартиру, не на улице же нам говорить.

Мы поднялись на третий этаж – я впереди, парень чуть сзади, неотрывно глядя мне в затылок. Я распахнула дверь и сказала:

– Прошу. – Сбросила туфли и пальто, прислонилась к стене, выжидая, когда парень разденется. – Кофе хотите? – спросила я вежливо.

– Не откажусь, – кивнул он, и мы прошли в кухню.

– Вас как зовут? – проявила я интерес.

– Денис Сергеевич Коптелов. Можно просто Денис.

– А меня можно просто Полина.

Мы устроились за столом напротив друг друга и выпили по чашке кофе. Я не спешила с вопросами, и минут через пять Денису ничего не оставалось, как начать разговор самому.

– Полина Викторовна, где работал ваш муж?

– Я же говорила в милиции: фирма «Интерстрой», заместитель директора.

– Именно так и было записано в документах. Я заглянул в эту фирму, побеседовал с директором... господин Литовцев, кажется?

– Да, Литовцев Петр Петрович.

– Он сказал, что гибель вашего мужа для них большая утрата. Но вот что интересно, я также поговорил с рядовыми сотрудниками, и оказалось, что вашего мужа они видели крайне редко.

– Ну и что? – удивилась я. – Это означает только, что моему мужу общаться с рядовыми сотрудниками было без надобности.

– Да, конечно, – улыбнулся Денис Сергеевич. – А где до этого работал ваш муж?

– Почему вас так интересует работа моего мужа? – спросила я.

– Как вам сказать... у меня возникли кое-какие сомнения...

– А ваше начальство в курсе ваших сомнений? – глядя ему в глаза, снова спросила я и сама же ответила: – Думаю, нет. Иначе я вряд ли бы получила разрешение на кремацию.

– Кстати, а почему кремация?

– Обратитесь к моему адвокату, он вам объяснит... Денис Сергеевич, вы молоды, работаете недавно, и у вас, судя по всему... как бы это выразиться... присутствует нечто вроде охотничьего азарта. Вам что-то показалось подозрительным, и вы решили немного покопаться в нашей жизни. Я не против, только прошу не забывать: я только что похоронила мужа, и праздное любопытство мне переносить трудно. – В этот момент зазвонил телефон. – Извините, – бросила я и сняла трубку.

– Здравствуйте. – Голос был низким, с характерной начальственной интонацией. – Я хотел бы поговорить с Глебом Сергеевичем.

– А кто его спрашивает? – нахмурилась я. Денис, сидя за столом, прислушивался, не скрывая своего интереса.

– Это его старый друг. Так я могу с ним поговорить?

– Нет.

– Нет? Его нет дома? А когда он будет?

– Глеб погиб. Несколько дней назад.

На том конце провода немедленно повесили трубку. Я взглянула на определитель номера, звонили из Москвы.

Я закусила губу, таращась в пространство, на какое-то время совершенно забыв о Денисе. Он продолжал сидеть за столом, наблюдая за мной.

– Извините, – сказала я, – у меня много дел.

– Я ухожу, – с готовностью кивнул он, поднялся и направился к двери.

Проводив его, я вернулась в кухню и замерла возле окна. Телефонный звонок не шел у меня из головы. Что это за старый друг? Не помню, чтобы за одиннадцать месяцев, прожитых вместе, Глебу кто-нибудь звонил, если не считать общих знакомых. Сообщение о гибели Глеба произвело на звонившего впечатление. Тип этот находится в Москве. Что ж, самое время и мне туда наведаться.

Я прошла в спальню, прихватив «Полароид», и сфотографировала портрет Глеба, а через несколько минут уже была в своей машине. Сворачивая на проспект, в зеркало увидела темные «Жигули» двенадцатой модели, ненавязчиво пристроившиеся следом. Я свернула на светофоре – и «Жигули» тоже, притормозила возле цирка – и они замерли неподалеку. Я чертыхнулась и собралась звонить Федору, но тут «Жигули» на скорости пронесли мимо и скрылись за поворотом.

Я немного выждала, а затем продолжила путь. Сколько я ни пялила глаза в зеркало заднего вида, но ничего подозрительного обнаружить не смогла. Понемногу успокоившись, я достала атлас Москвы. Глеб был прописан на улице Красносельской, пришлось потратить немало времени, чтоб отыскать ее. Однако сам факт ее существования придал мне уверенности, я бы не удивилась, если б вдруг оказалось, что улицы с таким названием в Москве не существует.

Через четыре часа, поплутав немного в хитросплетении переулков, я выбралась на Красносельскую. Нужный мне дом был стандартной пятиэтажной «хрущевкой» – возле подъезда скамейка, в настоящий момент пустующая, чуть в стороне детская площадка, трое детишек под бдительным оком женщины лет пятидесяти увлеченно носились друг за другом.

Я вошла в подъезд, достала из сумки ключ, не спеша поднялась на пятый этаж. Не знаю, чего я ожидала, но на пороге квартиры малость замешкалась. Дверь открылась легко, я вошла в крохотную прихожую и, почему-то передвигаясь на цыпочках, заглянула в комнаты. Слой пыли указывал на то, что здесь довольно давно никто не появлялся. Я вернулась в прихожую, заперла дверь на цепочку и приступила к осмотру.

Первое впечатление: квартира, а также ее внутреннее убранство мало подходили Глебу. Впрочем, холостой мужчина, занятый большую часть своего времени на работе, мог просто не обращать внимания на недостатки интерьера. Две комнаты, крохотная кухня. В спальне обстановка спартанская – кровать, шкаф и тумбочка, настольная лампа на подоконнике, плотные шторы на окнах. Воздух спертый, тяжелый. Я открыла форточку и прошла в гостиную. Невозможно было представить, что эту мебель образца семидесятых годов Глеб приобрел сам. Значит, она либо досталась ему от родителей, либо он купил ее вместе с квартирой.

В кухне с трудом уместился крохотный гарнитурчик. Холодильник отключен. Везде образцовая чистота, если не считать пыли, накопившейся за несколько месяцев. С легким вздохом я приступила к обыску. В шифоньере два мужских костюма, три рубашки и десяток галстуков. Никакой обуви. Зимние вещи отсутствуют. Комплект постельного белья, два полотенца. В ванной электробритва и кусок мыла. Ящики в стенке абсолютно пусты. Ни одного клочка бумаги. Документы на квартиру тоже отсутствуют. Что ж, оставалось констатировать, что Глеб тщательно подготовился к своему отъезду. Любопытный осматривать его жилище остался бы с носом: никакого намека на личность хозяина и его образ жизни. Обнаружив в прихожей ключ от почтового ящика, я спустилась вниз. Несколько рекламных газет и счета за квартиру. Я внимательно изучила их, возвращаясь на пятый этаж. За квартиру было заплачено вперед, переплата составляла тысячу восемьсот рублей. Похвальная предусмотрительность. Но не это обстоятельство произвело на меня впечатление, а фамилия владельца квартиры: Бычков В.Д. Я проверила адрес: никаких сомнений. Итак, квартира Глеба вовсе не была его квартирой. Она либо принадлежала какому-то родственнику, либо была записана на чье-то имя (к этой мысли я больше склонялась), либо Глеб ее просто снимал. Это надлежало проверить.

Я позвонила соседям и замерла напротив «глазка».

– Кто там? – поинтересовались из-за двери, голос явно пожилой женщины.

– Извините, – отозвалась я, – вы не знаете, когда ваш сосед вернется?

– Ничего я не знаю, – ответили из-за двери.

Беседовать с человеком, имея перед глазами железного монстра с «глазком», занятие не из приятных, но отступить мне не хотелось, и я попробовала еще раз:

– Может быть, он...

Дверь распахнулась. Сначала я увидела немецкую овчарку, которая настороженно замерла, тараща на меня медовые глаза, а уж потом худенькую старушку, которая одной рукой держала пса за ошейник, а другой ухватилась за ручку двери.

– Его в милицию забрали, – хмуро заявила старушка. – И что вы ко мне звоните? У него мать дома. Она в это время всегда дома.

– Простите, – растерялась я, – мы, видимо, говорим о разных соседях.

– Вы про Кольку спрашиваете? – насторожилась бабка, тут дверь квартиры напротив открылась, и появилась женщина в розовой куртке и юбке до пят, на ногах у нее были резиновые сапоги, на голове пестрый платок, а цвет лица прозрачно намекал на пристрастие дамы к горячительным напиткам. – Вера Михайловна, – с ноткой презрения в голосе обратилась к

ней старушка, – вашего сыночка спрашивают. Сломали замок в подъезде, теперь будут бродить все кому не лень...

– Я его, что ли, сломала? – рывкнула женщина в розовом. – Замучила... вот иди и смени замок, а то только воспитывать. – Бабка захлопнула дверь, а женщина, пробормотав что-то себе под нос, начала спускаться вниз, но тут же повернулась ко мне, удивленно оглядела с ног до головы и спросила, нахмурившись: – А тебе Колька зачем?

Колька мне был без надобности, я прикидывала, что бы ей такого сказать, чтоб она задержалась и малость со мной побеседовала, и только собралась открыть рот, как женщина сообщила:

– Его вчера забрали. С Вовкой из седьмой квартиры подрался. Черт их знает, что не поделили. А какая-то гнида милицию вызвала. – В этом месте женщина возвысила голос и сверкнула глазами в сторону соседской двери.

– Меня, собственно, ваш сосед интересует, – вздохнула я.

– Какой сосед? – удивилась женщина.

– Из восемнадцатой квартиры.

– В восемнадцатой никто не живет, – сообщила она и продолжила спуск по лестнице.

Стало ясно: разговор окончен. С некоторым разочарованием я направилась к квартире Глеба, но тут дверь распахнулась, и на лестничную клетку выглянула старушка, на этот раз без собаки.

– Он уехал, – коротко сообщила она.

Дама в розовом остановилась, задрала голову и сказала:

– Кто уехал? Там никто не живет.

– Может, и не живет, – твердо стояла на своем соседка, – потому что уехал. В командировку в Швецию. У него контракт.

Женщина в розовом махнула рукой:

– Вы всегда все лучше знаете, – и охладела к разговору, а старушенция вышла на лестницу, с любопытством приглядываясь ко мне. Однако, заметив, что дверь в квартиру Глеба приоткрыта, насторожилась и теперь взирала на меня с подозрением. Стало ясно: если я не хочу, чтобы она вызвала милицию, следует спешно придумать вразумительную историю.

– Знакомая сказала, что я могу снять квартиру, ключ дала, а я без хозяина переезжать боюсь. Он вроде бы на днях должен появиться.

– Что за знакомая? – Взгляд старушки уже приобретал свойство рентгеновских лучей, милиции мне не миновать. Вот так номер, а у меня даже документы на квартиру отсутствуют, как пить дать заберут в каталажку. Отчаяние придало мне силы, и я без улыбки заметила:

– Вы что, всех его знакомых знаете? Она за квартирой приглядывает. Работает в фирме по найму жилья. Договор я уже заключила, но все равно без хозяина занимать ее не хочется. Если увидите его, передайте, пожалуйста, что я позвоню.

Я прошла в прихожую, взяла сумку и спешно покинула жилище. Заперла дверь на ключ и демонстративно убрала его в карман. Бабка продолжала наблюдать за мной, поджав губы.

– Я видела, как он вещи из дома выносил, – сказала она, – и собственными ушами слышала, что он уехал в Швецию, в командировку. И ни про какую знакомую ничего не говорил.

– Значит, не счел нужным, – отрезала я и посоветовала себе поскорее уносить отсюда ноги. Удивительно, как еще старая карга до сих пор не бросилась звонить по телефону.

Выйдя из подъезда, я едва не столкнулась с женщиной в розовой куртке. В руках у нее была бутылка красного вина, которую она бережно прижимала к груди.

– Узнали что-нибудь? – спросила она, взглянув на меня с любопытством.

– Нет, – покачала я головой.

– Да и узнавать-то нечего. Не живет никто в восемнадцатой. Как Петровы съехали, так никого и нет. Здесь мать с дочерью жили, Ленка замуж вышла, муж у нее умер, и она мать к себе забрала. А квартиру продали.

– Кому продали? – не особенно рассчитывая на удачу, спросила я.

– Кто ж знает. Мужу какому-то. Видела его раза два, не больше... И в квартире тишина, у нас же стенка общая.

– Это он? – решила я, достала фотографию и протянула женщине.

– Фотография какая-то чудная... вроде похож... только тот в очках был и с усами. А может, я чего путаю... Нет, точно в очках.

– Значит, похож? – уточнила я.

– Как будто...

В этот момент дверь подъезда распахнулась, появилась овчарка, а следом и ее хозяйка. Я мысленно выругалась и поторопилась убрать фотографию, но старушенция успела ее заметить. Зрение, несмотря на возраст, у нее было отличное. Фотография ее очень заинтересовала.

– Это наш сосед, – с места в карьер заявила она.

Пробормотав что-то себе под нос, женщина в куртке поспешно ретировалась, а мы остались с бдительной старушкой один на один, если не считать собачки, которая настороженно следила за каждым моим движением.

– Тут вот такая история, – вздохнула я. – Я познакомилась с молодым человеком, пару месяцев он жил у меня. Потом уехал в командировку и больше не вернулся. Московский адрес я знала, а ключ в его вещах нашла. Уезжая, он не все вещи забрал. Командировка затянулась, он не звонит, не пишет. Вот я и приехала. – На всякий случай я шмыгнула носом и напустила в глаза тумана. Оказалось, бабка не только любит смотреть всяческий «криминал», но и мексиканские сериалы.

– Надо же, а с виду такой порядочный... сказал, в Швецию уезжает.

– А когда он вам об этом рассказывал? – боясь поверить в удачу, подступила я к ней с расспросами.

– Дайте-ка вспомнить... В прошлом году, в апреле или в марте... снег еще не сошел. У него вещей много было, вот я и обратила внимание, тут-то он про Швецию и сказал...

– Вы часто виделись?

– Нет. Петровы квартиру в январе продали, то есть прошло-то два месяца, как ему в командировку уехать. Он так и не обустроился как следует. Появлялся редко, а до этого где-то в Подмоскowie жил.

– Это он вам сказал?

– Да...

– А про работу он ничего не говорил?

– Нет. Я с ним и разговаривала-то всего один раз. Не жил он тут, заходил иногда, и то нечасто. Свет в квартире редко горел.

– А Петровы, у которых он квартиру купил, может, они что-нибудь о нем знают?

– Может, – пожала плечами старушка.

– У вас случайно нет их телефона?

– Есть. Я, правда, ни разу не звонила. Марья Павловна человек малоприятный, а с ее дочерью мне говорить вовсе не о чем. А вот она звонила пару раз, жаловалась, что на новом месте никак не привыкнет.

– Вы не могли бы... – начала я, но старушка уже извлекла из сумки объемистую записную книжку и начала ее листать. Потом вдруг нахмурилась и спросила:

– А почему вы меня обманули, про какую-то знакомую наплели?

– Так ведь неловко же рассказывать, что тебя в дураках оставили.

– Он что, у вас деньги взял? – ужаснулась она. Я кивнула со вздохом, а она покачала головой: – Ведь сколько предупреждают, кругом одни мошенники, хотя этот на мошенника совсем не похож. Дайте-ка я еще раз на фотографию взгляну. – Я протянула фото, бабка повертела его в руках, а я торопливо пояснила:

– Я сама по памяти нарисовала, а потом сфотографировала, неудобно с рисунком-то.

– А чего в милицию не сообщили?

– Что толку? Деньги он не крал, я их ему сама отдала без расписки. А то, что уехал, так мы не зарегистрированы.

– Как же он ключ-то оставил?

Я уже решила, что номер телефона Петровых так и не увижу, но бабка, покачав головой, уткнулась в свой талмуд и вскоре сказала:

– Вот, записывайте. Только не говорите, что его вам дала я. Марья Павловна такой человек... – Она резко повернулась и, держа собаку на поводке, отправилась восвояси, даже не кивнув на прощание.

– Спасибо! – прокричала я вслед, вернулась к машине и набрала номер Петровых. Мне сразу же ответила женщина, голос у нее был тихий и явно простуженный. Что ей сказать, я понятия не имела, тут главное, чтоб она меня выслушала и сразу трубку не бросила.

Пришлось угостить ее очередной сказкой, которая свелась к следующему. Я вышла замуж, и мой благоверный чуть больше года назад купил у них квартиру, если верить его словам, но переезжать сюда категорически отказывается, и документов на квартиру я не видела, а так как деньги частично были мои, в душу мне закралось сомнение, не водит ли меня муженек за нос. Вот я и приехала во всем разобраться.

– Так что вам надо? – удивилась женщина. Хотя история была хуже некуда, но она выслушала ее до конца.

– Я хотела бы узнать фамилию человека, которому вы продали квартиру.

– Все это странно как-то, – заметила женщина. – Я посмотрю в бумагах...

Минут через десять я опять позвонила и услышала фамилию:

– Бычков Вячеслав Дмитриевич. – Что меня не удивило, так как именно ее я видела на бланке счета.

– Простите, как он выглядел?

– Кто? – не поняла женщина.

– Бычков. Высокий, симпатичный...

– Да, интересный мужчина.

– А как вы встретились? Давали объявление в газету?

– Нет. У нас сосед, Максим, как раз работает в фирме, занимающейся недвижимостью, вот он и помог.

– А вы не могли бы дать телефон Максима? – Было ясно, что я испытываю чужое терпение, но что делать? Однако здесь мне не повезло.

– Визитка вряд ли сохранилась. Извините.

– Ну вот, – вздохнула я, положив телефон на сиденье. Высокий и симпатичный – очень похоже на Глеба, однако с таким же успехом это может быть кто-то другой. Высоких и симпатичных много. Я немного поглазела на детскую площадку. Женщина сказала, что Максим, который помог ей с продажей квартиры, – ее сосед. Следовательно, должен жить в этом же доме или в соседнем. Вдруг мне повезет и я его найду?

Пока я гадала, вернулась старушка с овчаркой, на этот раз в руках у нее, кроме дамской сумки, была авоська с молоком. Я вышла из машины, а она, заметив меня, сама направилась навстречу.

– Ну что, до Петровых дозвонились?

– Да. Но ничего толком узнать не удалось. Она сказала, что с продажей квартиры им помог Максим, кажется, сосед. Это он покупателя нашел...

– Максим? Как же... Он на втором этаже живет, третий подъезд. Хотите с ним поговорить?

– Попробую. Вдруг ему что-нибудь известно.

Я зашагала к третьему подъезду, а старушка к первому. Вряд ли мне удастся застать этого Максима дома, по вечерам у агентов полно работы. Что ж, придется дожидаться утра.

Однако беспокоилась я напрасно. Дверь мне открыл не совсем трезвый рослый молодой человек в купальном халате. Он взглянул на меня и заявил:

– Боже, какой подарок. Только не говорите, что вы ошиблись квартирой.

– А вы Максим?

– Точно. У меня легкая простуда, масса времени и жгучая тоска по женскому обществу.

– Общество я вам обеспечу, – кивнула я, нахально прошествовав в квартиру. Максим закрыл за мной дверь и посмотрел на меня со все возрастающим интересом. – Ваш адрес мне дала бывшая соседка, Петрова, вы ей квартиру помогли продать.

– Так вас квартира интересует? А я-то обрадовался... Не каждый вечер в дверь звонят такие красавицы.

– Точно. И далеко не каждый вечер вы можете заработать пятьсот долларов, ответив на пару вопросов.

Он продолжал улыбаться, но в его глазах появилось беспокойство. Между тем я извлекла доллары и положила их на тумбочку.

– Занятно, – усмехнулся он. – Что конкретно вас интересует?

– Человек, которому вы продали квартиру Петровых.

– Вячеслав? – он вроде бы удивился. – Можно узнать, чем вызван ваш интерес?

– За пятьсот баксов вы еще вопросы задаете? – усмехнулась я.

– Любопытство, как известно, широко распространенный порок. А как зовут вас, прекрасная незнакомка, я смогу узнать?

– Сможете, но стоить это будет сто баксов.

Он хохотнул, после чего предложил:

– Хотите кофе?

– Хочу, – кивнула я.

Стандартная трехкомнатная хрущоба была перестроена хозяином и теперь являла взору удобное жилище в стиле модерн. Максим прошел к стойке, отделявшей кухню от гостиной, и спросил:

– Может быть, коньяк?

– Спасибо, я за рулем.

Готовить кофе он не умел, но указывать на это я ему не стала. Сделала несколько глотков, отодвинула чашку и напомнила:

– Я вас слушаю.

– Ага. Ну, значит, так. Петровы решили продать квартиру и обратились ко мне. Вячеслав появился в нашей фирме, и я предложил ему эту квартиру. Он приехал, посмотрел, и квартира была продана, то есть куплена.

– Значит, раньше вы с ним не встречались?

– С Вячеславом? Не встречался. Он вообще прибыл издалека, жил в Подмосковье, снимал квартиру, а работал в Москве и, само собой, хотел перебраться в столицу.

– Вы сказали «издалека». А поточнее?

– Из Иркутска, кажется.

– Должна заметить, что пятьсот долларов вы не отработали.

– А что вы, собственно, хотите?

Я протянула ему фотографию.

– Он?

Максим, взглянув на фото, усмехнулся:

– Надо же... в общем, похож. Если прибавить усы и очки.

– Когда он купил квартиру?

– Сейчас скажу точно. – Максим порылся в шкафу, извлек на свет божий ежедневник и принялся его листать. – Нотариат провели двенадцатого января, – сообщил он.

Выходит, Глеб, или Вячеслав, купил квартиру за месяц до того, как отправился в Египет, где мы с ним и встретились.

– Он сразу же переехал?

– На этот вопрос ответить трудно, – усмехнулся Максим. – У меня сложилось впечатление, что квартира его не очень интересовала. Он надеялся уехать за границу, в командировку, а квартира – хорошее вложение денег, опять же есть место, куда можно вернуться, плюс московская прописка.

– Он вам что-нибудь говорил о своей работе?

– Менеджер, кажется. Занимался компьютерами...

– И ничего конкретного?

– Да вы что, шутите? Я с ним по душам не разговаривал, некогда, да и ни к чему. Мы встретились пару раз, посмотрели квартиру. Конечно, болтали о чем-то. Он мне понравился, к тому же предполагалось, что мы будем соседями. Но никакой особой информации. Я и про командировку узнал случайно. Квартиру он купил вместе с мебелью, Петровым она была не нужна. Я, конечно, удивился. Такой парень, как Вячеслав, и вдруг эта рухлядь. Хотел ему посоветовать фирму, которая занимается ремонтом, классные ребята и берут недорого. А он сказал, что ремонт и мебель его сейчас мало интересуют, со дня на день ждет решения и, скорее всего, уедет. Вот и все. Сюда он, по-моему, так и не перебрался. Я его встречал пару раз, только вряд ли он здесь жил.

– А машина у него была?

– Да. «Опель».

– Это точно?

– Ну... А последний раз я в окно видел, как он садился в «Шевроле»... да... темно-зеленого цвета.

– А когда это было?

– В начале марта прошлого года. И с тех пор он здесь ни разу не показывался, по крайней мере, я его не встречал.

– В договоре купли-продажи указываются паспортные данные обеих сторон.

– Совершенно верно.

– Так вот. Мне нужны паспортные данные этого Вячеслава.

– Это не так просто.

– Постарайтесь. – Я написала на листке бумаги номер своего сотового. – Уверена, что через пару дней вы мне позвоните и порадуете новостями.

– Неужели я даже имени вашего не узнаю? – усмехнулся он.

– Придумайте его сами, это гораздо романтичнее. – Я направилась в прихожую, Максим проводил меня до двери.

Выйдя на улицу, я увидела, что он стоит у окна, обзревая двор. Прятаться не имело смысла, раз я сама оставила ему номер сотового, и я потопала к машине. Делать мне в Москве было больше нечего. Вряд ли я смогу найти фирму, в которой работал Глеб, если эта фирма существует вообще.

Итак, за месяц с небольшим до нашего знакомства Глеб приобретает квартиру, будучи еще Вячеславом. Затем под другим именем отправляется в Египет. Через три дня после возвра-

щения появляется у меня с кучей денег и сомнительной историей. Очень похоже, что Москву он покинул, рассчитывая где-то укрыться. Выходит, наше знакомство пришлось как нельзя кстати. Глеб провернул какую-то махинацию, причем заранее, и довольно хорошо подготовился, а потом исчез, но вовсе не в Швецию, а уехал за пару сотен километров от Москвы. Но кто-то оказался еще умнее и его там обнаружил. Выходит, не было никакой любви? Там, в Египте, я просто подвернулась под руку, и он немного подкорректировал свои планы?

Я грязно выругалась, но желание докопаться до истины у меня отнюдь не исчезло, напротив, я поняла, что не успокоюсь до тех пор, пока не разберусь со всем этим.

Домой я вернулась за полночь. Бросила машину возле подъезда и поднялась к себе. Выпила чаю, закурила, глядя в окно, потом прошлась по кухне, теперь казавшейся мне нелепо огромной. Оставив на столе чашку с недопитым чаем, я выключила свет в кухне и отправилась в ванную. Оказавшись в теплой воде, сразу почувствовала, как устала за день, и едва добрела до спальни. Там меня ждал сюрприз. На полу валялось разбитое стекло, которое еще утром было вставлено в раму с портретом Глеба, а сам портрет был изрезан в клочья.

В первое мгновение я замерла, приложив руку к груди и тараща глаза на осколки и обрывки бумаги. Потом испуганно огляделась. Черт возьми, кто-то был в квартире в мое отсутствие, и ему страшно не понравился портрет Глеба.

Схватив трубку, я быстро прошла по квартире. Не похоже, что здесь что-то искали. С некоторым страхом я распахнула дверцы шкафов. Повторный осмотр квартиры немного меня успокоил. Враги не притаились по углам, поджидая, когда я усну. Из вещей тоже ничего не пропало. Выходит, кто-то нагрянул в мою квартиру только для того, чтобы искромсать изображение Глеба? Ничего глупее вообразить невозможно. Кому это понадобилось, а главное – зачем?

На ум пришло весьма оригинальное объяснение: некто проник в квартиру, ожидая обнаружить там Глеба, и, взбешенный его отсутствием, изрезал портрет. Глупость несусветная, но ничего другого в голову не приходило. Я вернулась в спальню, чтобы взглянуть на свадебную фотографию. Она стояла там, где ей положено было стоять. Чудеса. Если мои догадки верны, логичнее было и фотографию изрезать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.